

Казимир Феликсович Валишевский

Царство женщин

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172366
Царство женщин: Терра – Книжный клуб; Москва; 2004
ISBN 5-275-00950-x

Аннотация

Историческое сочинение «Царство женщин» польско-французского историка Казимира Валишевского (1849-1935) на сегодняшний день является одним из наиболее увлекательных изложений истории России в эпоху дворцовых переворотов, созданное писателем на основе реальных исторических документов.

Текст произведения представлен в новой редакции и в современной орфографии.

Содержание

Предисловие	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Казимир Валишевский

Царство женщин

Предисловие

Порядок, в котором эти исследования являются на суд публики, не имеет в себе ничего произвольного, хотя так и кажется так на первый взгляд. Я откровенно признаюсь, что мною руководило предполагаемое в публике любопытство, которому автор не может навязывать ни своего таланта, ни предмета, занимающего его. В малознакомых странах прежде всего внимание путешественника привлекают на себя наиболее близкие, а также наиболее возвышенные точки. Задача этой книги – заняться промежуточным пространством. Но последуют ли за проводником?

Советую моим читателям припомнить русскую пословицу: *«Громада, т. е. толпа, – великий человек»*. Сам Петр I, – как я пытался доказать, – был только выражением коллективного целого массы собранных воедино энергий, развитие которых не сохранило после него той головокружительной быстроты, но характер и внутренняя сила которых выяснилась именно тогда. Поглощая эти элементы в своей могучей личности, он подавлял и маскировал их. Впоследствии же они вырвались наружу, и с какой силой! С точки зрения политического и общественного движения, эпоха, которой мы намерены заняться, соответствует одному из периодов застоя, даже как бы отступлений назад, по-видимому, представляющих постоянный закон в развитии русского народа. Однако жизнь трепещет и во время таких остановок, под хаотической, странной, иногда чудовищной внешностью.

Мне уже делали упрек в слишком большом пристрастии к живописной стороне исторических событий. На этот раз риску навлечь на себя этот упрек еще в большей степени. Но я убежден, что в этом отношении между мною и моими критиками существует простое недоразумение и смешение следствия с причиной. Этот спор похож на упрек, который обитатель равнины мог бы сделать обитателю Бернского кантона: «Вы показываете мне одни только горы!» И притом история России в XVIII веке не швейцарский пейзаж. Скорее это пейзаж из эпохи Мироздания. Вы присутствуете при возникновении мира. Все здесь выдвигается вдруг, внезапно, все полно резких противоположностей. Редкая глава этой книги не послужит сюжетом для драмы или романа. И один недостаток последних – это то, что в них внесли вымысел – совершенно излишний! Неприкрашенная действительность этой эпохи оставляет позади себя воображение всех Дюма.

Царство женщин должно было наложить романтический отпечаток на эпоху, продолжавшуюся почти три четверти века, что тем более за все это время никакой закон о престолонаследии не вмешался для ее установления или поддержания. Страна самовольно установила у себя это царство женщин. И точно так же она поступала с ними.

Освободившись от деспотизма создателя народного величия, дух анархии и искания приключений, лежащий в основании всякого образующегося общества, предъявил свои права под различными формами. Царство женщин был одной из них, а правление фаворитов – другой.

И то и другое замечательным образом способствовало возникновению тех преданий и анекдотов, в пристрастии к которым меня обвиняли. Я люблю их, когда они забавны, но считаю своей обязанностью относиться к ним, как они того заслуживают, если они ложны. Но и тогда я считаю возможным истолковать их в правильном смысле. Каким образом? Я уже говорил об этом в другом месте. Сопоставляя имеющийся материал и согласуя его. Мне делали на это возражение, что в таком случае количество заменяет мне качество. Это воз-

ражение не убедило меня. Спросите двух людей, бегущих по улице, куда они бегут. Один ответит вам, что пожарные проехали к театру; другой – что загорелась городская дума. Вы ошибетесь немногим, заключив, что они увидели где-то дым. Вряд ли я сочту безупречной женщину, которой приписывают двадцать любовников, но я не стану искать в этом еще каких-либо указаний. А подобных фактов масса даже в истории.

По мнению других критиков, я вообще слишком осторожен в своих заключениях. Действительно, я не считаю торговцем непреложными истинами. Нетрудно ухватить один звук, слушая один только колокол. Я же стараюсь ввести как можно больше колоколов в мой звон.

Среди документов, которыми я пользовался, есть немного совершенно неизданных, я постарался проверить прочие по источникам, и эта предосторожность не оказалась бесполезной для меня. Приношу благодарность моему молодому другу Зихель-Дюлону, оказавшему мне помощь в моих поисках в дрезденском архиве, а также его светлости князю Гогенлоэ, германскому канцлеру, и г. Козер, директору государственного берлинского архива, доставивших мне доступ и возможность пользоваться этими драгоценными хранилищами, где я нашел несколько указаний и документов, значение и интерес которых для этой книги, а еще больше для последующей – читатель, конечно, оценит.

К. Валишевский.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЖЕНА И ВНУК

Глава 1 Государственные перевороты, возведенные в правило. Екатерина I

I. Наследие Петра Великого. – Никаких указаний. – Ни завещания, ни династии, ни закона о престолонаследии. – Парии. – Екатерина, руководимая умными советниками, действует ловко. – День 28 января 1725 г. – Наскоро созванное избирательное собрание. – Вмешательство гвардии. – Избрание Екатерины. – II. Периодические государственные перевороты. – Военная диктатура. – Политические и общественные последствия. – Свобода сословий. – Правление женщин. – Его исторические элементы. – Женщина в славянской старине. – Русские женские типы. – III. Нравственный облик новой государыни. – Окружающие и двор. – Приближенные. – Семья. – Голштинский дом. – Герцогиня Курляндская. – Наперсники и любовники. – Искатели приключений – немцы и польские перебежчики. – Левенвольд. – Сапега. – Интимные нравы. – Непрерывные оргии. – Видимое отсутствие правительства. – Ключ к загадке.

I

Легендарный проект революционного декрета в двух статьях: «Ст. 1. Не следует делать ничего. Ст. 2. Исполнение сего декрета не возлагается ни на кого» – нашел себе буквальное применение в России после смерти ее великого руководителя. Не стало государя в стране, где вся власть сосредоточивалась в его руках, и не было никого, кто бы мог заменить его. Не было ни наследника, ни закона о престолонаследии. Закон воплощался в нескольких словах, написанных самим Петром уже костенеющей рукой в минуты агонии: «Отдайте все...» Он не мог кончить, и от его воли, бывшей всем, не осталось ничего.

В древней Москве этот вопрос решался на основании обычая. Последний был склонен следовать естественному закону наследования в нисходящей линии, и в конце XVI века этот принцип, по-видимому, упрочился. Но в 1598 г., после смерти последнего сына Ивана Грозного, он не мог примениться: дом Рюриковичей прекратился. Первый из Романовых (1613) занял престол по избранию. Он был избран всей страной – или, как тогда говорили, «всем народом» – в собрании местных бояр. Принцип, по-видимому, снова вошел в силу, когда Алексей наследовал своему отцу, Михаилу Федоровичу, а Федор Алексеевич, в свою очередь – отцу Алексею Михайловичу. Но после смерти Федора снова оказался перерыв и наступил произвол. Был избран Петр I, но он разделил трон со старшим братом Иваном, и в продолжение некоторого времени существенную часть наследия у них отнимала сестра, Софья. В 1722 г. Петру, в свою очередь, вздумалось внести в этот закон, столько раз нарушаемый, новый принцип: право государя назначать себе преемника. Говорят, что он сам воспользовался этим правом, назначив в завещании, оставленном им при отправлении в персидскую кампанию, себе преемницей Екатерину. Но тут случилось дело Монса,¹ и завещание было уничтожено. Следовательно – опять ничего.

¹ См. Валишевский. Петр Великий. Деша датского посла Вестфали, Москва 24 апреля (5 мая) 1729 г. в Сборнике

Здесь, для объяснения, каким образом был найден выход из этого тупика, мы должны были бы обратиться к теории эволюционистов о создании органов исполняемыми ими функциями. Судя по донесению посла Рабутина,² в то время в Петербурге существовало три главных партии. Кроме дочерей, рожденных Екатериной (Анны и Елизаветы), у Петра были двоюродные сестры – дочери его старшего брата Ивана (герцогиня Мекленбургская, герцогиня Курляндская и Прасковья Ивановна), права которых могли казаться большими, и внук – сын несчастного Алексея, рожденного первой женой императора, Евдокией. Ребенку было всего девять лет, и он не был в состоянии управлять государством. Но тем не менее завязалась борьба между партией этих наследников и мачехой – второй женой Петра. Знать, вообще, стояла на стороне малолетнего Петра Алексеевича, видя в нем возможность отомстить реформатору и вооружиться против его реформ. К несчастью, Петр разрядил ряды этой именитой знати вокруг трона. Осталось только несколько Голицыных и Долгоруких, да два старых военных – князь Репнин и Борис Шереметьев. Самый отважный из Голицыных – Михаил – был в это время с войском в Украине. Прочий персонал, управлявший делами, состоял из выскочек, креатур преобразователя, которых исчезновение его грозило повергнуть обратно в ту неизвестность, откуда он извлек их. Единственным спасением для них было продлить царствование в прежнем духе. Естественно, что их взгляды обратились на подругу царя, с которой – они это чувствовали – их связывали общие интересы и стремления. Она была их поля ягода – такая же выскочка и креатура, как они. Особенно Меншиков имел причины считать ее своей союзницей. Но также и Девьер, и Ягужинский имели повод отдать ей предпочтение. За неимением завещания, они приводили слова Петра – которым можно было придать двойное толкование – будто бы сказанные им накануне коронации его жены, во время пирушки у одного голландца.³

Иных доводов у них не было.

Третья партия мечтала об ограничении самодержавия во вкусе шведской конституции и готова была высказаться за того из кандидатов, который охотнее всего согласился бы на подобную реформу. Но Петр поставил всех в тупик своею смертью: умерши так же, как жил и действовал – с молниеносной быстротой. Ни у одной партии не было ничего подготовлено. Ни следа какой-либо организации. У одной только Екатерины было действительное оружие в руках. За нее, кроме того, стояли все иностранцы, опасавшиеся возвращения к прежним московским традициям, которым, казалось, угрожал им сын Алексей. То же самое было во всех *коллегиях*, где большинство членов были также иностранцами. За Екатерину же стоял Синод – плод реформы Петра, – а из сотрудников Петра – наиболее энергичные и влиятельные. Даже некоторые представители знати: Толстой, как палач Алексея, контр-адмирал Апраксин, как друг Толстого и Меншикова.⁴ На ее же стороне стоял герцог Голштинский, жених одной из ее дочерей, а благодаря ему и провинции, завоеванный у Швеции – Ливония, Эстония, Карелия, питавшие смутную надежду, что она возвратит их матери. Наконец, в ее руках находилась государственная казна.

Найдя хороших советников, Екатерина сумела благоразумно воспользоваться их указаниями. В сутки, предшествовавшие катастрофе, она часто уходила от постели умирающего и, запершись у себя, вела искусный торг. В это время у нее перебивали гвардейские майоры и капитаны – и уходили, унося с собой обещания и задатки: немедленную уплату жалования, не выдававшегося полтора года; выдача каждому солдату по тридцати рублей награды.

Императорского Русского Исторического Общества, LXVI. То же свидетельство о завещании в записках Кампредона. (1724). Архив французского Министерства иностранных дел – Россия. Т. XIX.

² Büschings Magazin. XI.

³ Германн. Geschichte des russ. Staats, со слов Бассевича. Также Büschings Magazin. XI.

⁴ Соловьев. История России. Т. XVIII; Германн, IV. Соловьев основывается главным образом на переписке французского посла Кампредона.

Одним из подполковников был Меншиков. Другой – Иван Бутурлин, принадлежавший по всем своим семейным связям к противоположной партии; но он был в ссоре с князем Репниным, президентом Военной коллегии, и также посетил Екатерину.

Таким образом подготавливался день 28 января 1725 года. Петр умер в 5 часов. В 8 часов Сенат, Синод и так называемый *генералитет* — чиновники, принадлежавшие к первым четырем классам по табели о рангах, учрежденной Петром – Собрались в Зимнем дворце. Кто их созвал? Никто. Вошло уже в обычай, что в критические моменты лица, составлявшие естественную опору трона, немедленно отправлялись в место пребывания правительства. Тотчас же начались ссоры о престолонаследии и самые бурные. Первым заговорил Дмитрий Голицын, предлагая преемником малолетнего Петра Алексеевича при регентстве императрицы и Сената. Собственным починком это импровизированное собрание превратилось в избирательное. Толстой горячо возражал. Регентство Софьи оставило плохие воспоминания. За Екатерину говорили ее способности, добродетели и желание самого Петра, чтобы корона перешла к ней. Во время речи Толстого одобрительный ропот, донесшийся из одного угла залы, обратил внимание на группу гвардейских офицеров, собравшихся там, собственно не имея никакого права присутствовать в столь высоком собрании. Репнин вскочил, резко крикнув на них. Вместо всякого ответа Бутурлин подошел к окну и сделал знак рукой. В ответ послышался барабанный бой. Внутренние дворы и все входы во дворец были заняты войсками. Здесь находились полностью оба гвардейских полка. – Кто осмелился... без моего приказа?... – начал было Репнин. – У меня приказ императрицы, – невозмутимо ответил Бутурлин.

После этого дебаты продолжали только для формы. Для формы Апраксин запросил статс-секретаря Макарова, существует ли завещание. Когда последовал ответ, что «ничего нет», адмирал предложил отправиться «заявить верноподданнические чувства царствующей императрице». И все пошли. Екатерина вступила на престол.

По какому праву? Опубликованный в то же утро манифест также ссылался на коронацию 1724 года, как на факт, указавший новую государыню. Но все понимали, что она была обязана властью выбору некоторых из своих подданных, опиравшемуся на военную демонстрацию, которая и положила конец всем спорам. По-видимому, Репин, Дмитрий Голицын и Долгорукий, желая, чтобы начатое так дело получило санкцию коллективного выбора, в котором приняли бы участие все сословия. Но гвардейские офицеры и слышать об этом не хотели. Они заявили, что изрубят в куски всякого, кто осмелится не признавать *их императрицы*.⁵ Несколько отдельных личностей протестовали. Два раскольника отказались принести присягу: «Раз баба стала царем, пусть бабы ей и крест целуют». Но после двух допросов в застенке⁶ их упрямство рукой сняло. Масса оказалась вполне покорной.

II

Таким образом создан новый способ передачи верховной власти. Он сохранился с небольшими вариантами до восшествия на престол Павла I в 1796 г. Екатерина I, правда, оставила завещание, в котором назначала Петра Алексеевича своим преемником; но, снова нарушая закон 1722 года, она пожелала установить вечный порядок престолонаследия, возвращаясь к старому принципу престолонаследия по нисходящей линии. Когда Петр Алексеевич умер после четырех лет царствования, никто и не вспомнил об исполнении этого завещания. – Анна I, Иоанн VI, Елизавета и Екатерина II были обязаны своим воцарением последовательно государственным переворотам, подобным описанному мною, причем гвар-

⁵ Брикнер. «Вестник Европы», 1894. На основании донесений венского резидента Гогенгольца.

⁶ Костомаров. «Монография» и «Исторические изыскания».

дия постоянно играла в этих переворотах роль древнего хора. Лица, произведшие переворот 1762 г., не руководились даже тенью какого-либо принципа, и Орловы с женой Петра III пошли кратчайшим путем – тем, которым всегда идут военные, чувствуя за собой силу.⁷

Эта военная диктатура была сначала только орудием в руках некоторых начальников. Впоследствии, в корпорации, из которой она произошла, проснулись идеи независимости, на которых отразилось ее возникновение. В гвардии даже простыми солдатами служил цвет дворянства. И это повело к важным последствиям в политическом и общественном отношениях. Роль, выпавшая в долю одной из ее фракций, дала всему дворянству сознание, что оно правящий класс в стране. Хотя попыткам олигархии и затем конституционных реформ, самонадеянно предпринятых ею, было суждено окончиться быстрой неудачей, однако, гонимая за этим призраком, она имела удачу не остаться с пустыми руками. Характеристичной чертой всей эпохи со смерти Петра Великого и до восшествия Александра I является постепенное освобождение сословий от всевозможных тормозов, которыми их опутывала организация древней Москвы, да и Россия позднейшего времени. Первым освободилось дворянство. Петр Великий подчинил его значение, как владельца главного государственного капитала – земли – его значению как слуги государства. Мир при его преемниках отодвинул на второй план это значение, но вместе с тем важность, приобретенная правящим классом, побуждала само правительство поддерживать экономические интересы этого класса. Не теряя ничего из своих прав и даже приобретая новые, дворянство мало-помалу освободилось от военной службы, самой тяжелой из всех повинностей. Это пало сначала тяжестью на прочие сословия, затем, по естественной игре общественного сцепления, и эти сословия воспользовались выгодами, приобретенными таким освобождением. Мы проследим успех этой эволюции.

С помощью государственных переворотов царство женщин продержалось целых 70 лет. Явление это не представляет ничего выходящего из ряда вон для славянской земли. В России, также как в Чехии и даже Польше, женщина в древности часто проявляла черты амазонки. Козьма Пражский говорит об основании женского города Девина на скале близ столицы. Легендарная служанка знаменитой Любуши, Власта, мечтала подчинить все правительство Чехии женщинам, с помощью крайне жестоких мер. Предполагалось выкалывать всем младенцам мужского пола правый глаз и отрубать большие пальцы на обеих руках. Но применение этих мер встретило сопротивление, и Власта погибла в борьбе. В русских былинах один из богатырей Киевского цикла, Добрыня, попадает в плен к поленице, которая, схватив его за русые кудри, приподнимает с земли. Иногда побежденные мстят за поражение – любовью. Но измены в этом отношении не допускаются! Тогда к изменнику обращаются с такою речью: «У меня два меча, два кинжала; наяду на твои рученьки-ноженьки, наварю пива из твоей крови, намокаю свечей из твоего сала». И обманутая героиня держит слово. Она приглашает на пир родителей изменника и предлагает загадку: «Сиж на любимом, пью его и свечу им себе». Сам непобедимый Илья Муромец находит себе достойную соперницу в Палке, дочери Соловья-разбойника. С женою Дуная не может сравниться ни один киевский стрелок.

Такое превосходство зависит не от одной только физической силы или ловкости. Древние славяне склонны были видеть в женщине колдунью, имеющую сношения со сверхъестественным миром и обладающую могучими чарами. Даже вселяемая женщиной любовь приписывалась колдовству. В действительности же первыми могущественными князьями, законодателями, судьями, организаторами славянских земель были женщины: Любуша в Чехии, Ольга – в России, как впоследствии великим человеком своего века стала жена Петра III – Екатерина Великий.⁸

⁷ Дитятин. Этюды к русскому государственному праву.

⁸ Так называл Екатерину II Вольтер.

Народная традиция сломилась только под влиянием Византии и татарского ига. И, наконец, патриархальная организация нанесла ей решительный удар, создав новый порядок вещей, сущность которого прекрасно передается народной поговоркой: «Кому воду носить? – Бабе. – Кому битую? – Бабе. – А за что? – За то, что баба». У алтайских племен презрение к женщине составляло основание общественного строя, и на родине Ольги, несмотря на все предшествовавшее, патриархальный строй нашел такую благоприятную почву для своего развития, что русское общество XVI и XVII вв. кажется близким к Японии, Китаю или Риму времен патрициев. Личность нигде не играет никакой роли.

Однако традиция сохраняла свои глубокие корни. В Новгороде, несмотря на Византийское влияние, женщины еще появлялись на народных собраниях. Марфа Борецкая в Новгороде, великая княгиня Евдокия и Софья в Москве, Евдокия и Анастасия в Твери, Анна в Византии, Елена в Суздале, принимали участие в общественной жизни, давали аудиенции послам, появлялись в торжественных обедах. Кое-какие остатки всего этого сохранились и до позднейшего времени, несмотря на явный шаг назад. Убегая от домашнего гнета, женщины XVII века организовывали вооруженные шайки. Древние поленицы имели до последнего времени преемниц, вошедших в историю. Во главе одной из шайк, следовавших за Стенькой Разиным (1671 г.), Григорий Долгорукий встретил женщину, которую любезно распорядился сжечь.

Но даже в тереме допетровских преобразований женщина не приняла вполне восточного характера. Ее, правда, держали взаперти, ценили ее красоту на вес – причем только пять пудов считалось допустимым минимумом. Любили ли ее? Только физически и грубо, на что указывают и поэтические произведения того времени, где грубая чувственность занимает место отсутствующего чувства. Тургенев сказал: «Наша так называемая эпическая литература одна между всеми другими, европейскими и азиатскими, одна, заметьте, не представляет никакой типической пары любящих существ».⁹ Вспомним предание о князе Петре и жене его Февронии. Изгнанные из Москвы, они едут вниз по реке в лодке. Одному из спутников царя приходит мысль поухаживать за княгиней. Она велит ему зачерпнуть воды сначала справа от лодки, потом слева и выпить ее. – Сладше ли вода с одной стороны, чем с другой? – Одинакова. – Ну вот, и женщина одинакова, где бы вы ее ни взяли».

Но при всей тирании и унижении, женщина отчасти царит в домашней жизни. Закон и обычай единогласно отводят ей здесь в некотором смысле привилегированное положение. Она управляет домом. Она может наравне с мужчиной и вполне самостоятельно владеть имением, крепостными и распоряжаться ими по своему усмотрению. Это обстоятельство заставляет выдвинуться тип *барыни-хозяйки*. И этот тип ясно обозначается, когда женское влияние торжествует и женщина призывается к почестям и тягостям высшего сана. Мы видим такой тип с начала героической эпохи и до рубежа XIX века. Анна и Елизавета, после Екатерины I, являются именно представительницами этого типа на престоле, проявляя такую же патриархальную простоту, как любая дворянка, управлявшая своей *вотчиной* во времена Алексея Михайловича. И такую же суровость. Очень ясное представление о такой личности может дать нам герцогиня Мекленбургская, Екатерина Ивановна, которая, присутствуя однажды на представлении одной трагикомедии, заметила, улыбаясь, своему соседу, иностранному дипломату (Бергхольцу), что актер, игравший царя – один из ее «холопов» – перед выходом на сцену получил двести палочных ударов.

С сестрой Петра Великого, Наталией Алексеевной, появляется новый тип – тип артистки, писательницы, провозвестницы женщины-доктора будущего. И в быстром развитии последнего типа в наши дни нельзя не признать исторической преемственности. Но вообще, истории, как и традиции, были скорее неблагоприятны для развития части

⁹ Дым.

интеллектуальных способностей в этой сфере. Из пятисот портретов, собранных в словаре Бантыш-Каменского, начиная с Баяна, только двенадцать женских, да и те сомнительного достоинства. И не в такого рода качествах надо искать секрета необыкновенного счастья, выпавшего на долю *мариенбургской пленницы*.

III

«Допетровская Русь прошла к новой России через публичный дом», – сказал Герцен. Это преувеличение; однако, уже из того, что сообщено мною о происхождении и правах этой необычайной наследницы,¹⁰ призванной продолжать царствование Петра, уже ясно, что нельзя совершенно отрицать некоторой справедливости в словах ядовитого публициста. Было высказано сомнение в ценности некоторых приведенных мною свидетельств. Но вот одно, которое уже недоступно никаким сомнениям. Я заимствую его из официального сочинения, содержащего в себе избранные выдержки из переписки русских государей. Само собой разумеется, что выдержки не могли быть заведомо доброжелательными. 18 июня 1717 г. Петр пишет жене из Спa, где он лечился, и поручает отвезти письмо любовнице, которую отсылает от себя по совету докторов, запретивших ему до поры до времени «всякую домашнюю забаву».¹¹ Вот ответ Екатерины:

«Что же изволите писать, что вы метресишку свою отпустили сюда для своего воздержания, что при водах, невозможно с нею веселится и тому верю; однако ж больше мною, что вы оную изволили отпустить за ее болезнью, в которой она ныне пребывает, и для лечения изволила поехать в Гагу, и не желала бы я (о чем Боже сохрани!) чтоб и галан¹² той метресишки таков здоров приехал, какова она приехала». Довольно ядовито сказано, но Екатерина не злопамятна, что показывают заключительные строки письма: «А что изволите в другом своем писании поздравлять именинами старика¹³ и шишечкиными,¹⁴ и я чаю, что ежели бы мой старик был здесь, то б и другая шишечка на будущий год поспела».¹⁵

Мы, очевидно, далеки от Людовика XIV и Марии-Терезии, даже от мадемуазель ла Вальер и наименее наставительных образов, завещанных любовными приключениями тех времен Западу. И я остаюсь при убеждении, что подошел насколько возможно ближе к истине в портрете этой невероятнейшей из императриц, который пытался нарисовать и к которому уже не думаю возвращаться. К сожалению, полагаю, что пробелы и неясные точки останутся в нем всегда. Герцен упоминает еще о лубочной картине, виденной им в гостинице и наводящей на размышления. Она представляет Петра, сидящего за столом, уставленным яствами и бутылками, и Меншикова, приводящего ему «на закуску» дебелую красавицу. Внизу подпись: «Верный подданный уступает любимому им царю самое что у него ни на есть драгоценное». Эта картина, если она существует, заключает в себе все, что есть достоверного в прошлом Екатерины *Первой* до ее возвышения на степень супруги и государыни.

В 1702 г. ее звали Марфой, и от дома пастора Глюка до лагеря завоевателя Ливонии она исполняла обязанности девушки, приученной к самым грубым домашним работам, а вместе с тем не отказывавшей в услугах более интимного свойства, в которых никогда не

¹⁰ См. Петр Великий.

¹¹ «А понеже во время питья вод домашней забавы дохтуры употребляют запрещают, того ради я метрессу свою отпустил к вам, ибо не мог бы удержаться, ежели бы при мне была». Из Шпа в 18 день июня 1717. (Письма русских государей. Изд. Комиссии печатания государственных грамот, состоящей при Московском архиве Министерства иностранных дел).

¹² Возлюбленный – *galant*.

¹³ Самого Петра.

¹⁴ Сын Петра и Екатерины, тоже Петр, умерший по второму году.

¹⁵ Письма русских государей и других особ царской семьи. Изд. Комиссии печатания государственных грамот, состоящей при Московском архиве Министерства иностранных дел.

отказывали особы ее положения. К концу следующего года Петр привез ее в Москву, где у нее, вне брака, родились дочери Анна и Елизавета, и где ее перевел в православие поп Василий, впоследствии архимандрит Варлаам. Только тогда она приняла имя Екатерины. С Петром она была обвенчана в 1712 г. Здесь я буду говорить о том, что она представляла из себя, уже будучи самодержицей всероссийской.

По словам Кампредона, она не умела ни читать, ни писать, но после трех месяцев упражнения научилась прилично подписывать государственные бумаги.¹⁶ К дипломатическим свидетельствам можно отнести с сомнением и не без причины. Но вот еще свидетельство, уже неопровержимое: это книга приходно-расходная комнатных денег императрицы Екатерины – за время от 1722 до 1725 г.¹⁷ Из нее перед нами встает целый нравственный облик. В этой записи можно с удовольствием прочесть о поощрении, оказываемом науке: один преобразенец, пожелавший ехать учиться в Амстердам, получил двадцать червонных, и столько же выдано составителю французской грамматики. Но и только. Большинство же императорских щедрот относятся к писарям, садовникам, подносящим какой-нибудь особенный салат или возвращающим редкие, ранние овощи, паяцам... Один из них, ходящий на голове, получил тридцать червонных, между тем как царица Наталья Алексеевна в свои именины получила всего двадцать, в новом кошельке. В марте 1724 г. княжне Голицыной оказана почти такая же щедрость, как паяцу: двадцать три червонных, чтоб плакала о сестре.¹⁸ Кое-где несколько проявлений жалости и сострадания. Русская женщина XVIII века была сострадательна к несчастным и охотно помогала им. В «Всякой всячине» Екатерины II очень поучительна в этом отношении одна сцена: посещение тетки племянником, желающим получить наследство. Чтобы добратся до нее, ему приходится пробраться через целый ряд нищих, слепых, калек. Передние Екатерины I – когда они завелись у нее – представляли подобное же зрелище. Солдаты, матросы, ремесленники приходили туда ежедневно просить: кто помощи, кто царицу быть у него кумой. Она никогда не отказывала и давала по несколько червонных каждому из своих крестников. Она назначала приданое сиротам, выдавала пенсии ветеранам шведской войны, раздавала подаяния священникам, монахам, певчим, приходившим с рождественскими песнями. Находим два червонных, выданных мужику, который не мог заплатить подушной подати; но столько же получал другой, оказавшийся способным в восемьдесят лет взлезть на дерево.

Вы понимаете разницу! Одна только крупная трата – Екатерина располагала тогда еще очень небольшими средствами – на уплату в 1724 г. за груз водки из Данцига. Еще красноречивое прибавление 25 сентября 1725 г. – уже после смерти Петра: изволила ее Императорское Величество пожаловать княгине Анастасии Петровне Голицыной (*княгине-игуменьи* оргий предшествовавшего царствования) десять червонных за то, что она выпила при столе ее величества два кубка пива английского. Октября 12-го величество императрица изволила пожаловать светлейшей Анастасии Петровне двадцать червонных, за которые выпила два бокала вина виноградного красного. Неделью спустя, 19 октября: в вечернее кушанье указала,

¹⁶ Документ от августа 1726 г. Архив французского Министерства иностранных дел. *Mémoires et documents* – Россия. Т. V.

¹⁷ «Русский Архив», 1847, т. I.

¹⁸ Декабря 5. Дано Ивану Семенову сыну Горещкому, который поднес ее величеству книгу, грамматику французскую в день тезоименитства ее величества... 20 червонных. Марта 14. Изволила ее Императорское величество пожаловать княгине Наталье Петровне Голицыной 23 червонных, для того, чтобы она плакала по сестре, и она плакала того же числа. 21 декабря. Дано садовнику Матису за поднос огурцов ее величеству 2 червонных. 24 декабря. Изволила ее величество быть в своем огороде: Дано садовнику Ивану Яковлеву 5 червонных, да садовникам же 6-ти человекам, которые при нем в науке, по 1 червонному. Садовнику Якубу Трифонову, что у него жена родила двух сыновей, дано 2 червонных. 16 января. Изволила их величество быть в зимнем доме и смотреть суки Левины детей и дано псарю Исаю 7 червонных. 16-го же. Садовнику Улфу Уффельт 5 червонных, который из Дубков привез салат и редьку в дом ее величества. 20-го же. Дано в Царском селе садовнику Якубу Кашперту 10 червонных за принос овощей и т. д.

вероятно, ее величество государыня императрица пожаловать светлейшей княгине Голицыной 15 червонных, за кои червонные выпила она большой кубок виноградного вина. В то же число положено в другой кубок 5 червонных, который она не выпила, и оные червонные отданы мундшенку Григорию Будакову; итого обошлось 20 червонных.

Где мы? Все это напоминает как бы притон разврата. Дипломаты и собиратели анекдотов тут не при чем. Но и у них множество указами в том же духе. Секретарь саксонского посольства, Френсдорф, описывает утренние визиты Меншикова своей бывшей служанке, которую он застает еще в постели. Разговор неизменно начинается вопросом: «Чего бы там выпить?» После того осушают несколько стаканчиков водки, и круговая идет до вечера; вино чередуется с *простой* и иностранными наливками.¹⁹ А Кампредон вводит в свои «Мемуары» 1726 г. следующий характерный рассказ: «Несколько дней тому назад после ужина разговор, обыкновенно не серьезный, перешел на маленькую княжну Наталью, умершую через несколько дней после царя. Царица заплакала. Ее горе вызвало тяжелое молчание всего общества. Тотчас после ужина, прежде чем еще удалились не приглашенные, предоставив полную свободу небольшому числу гостей, остающихся на ночную вечеринку, продолжающуюся обыкновенно в последние шесть месяцев до девяти часов утра, граф Сапега, порядочный ветреник, всегда гонявшийся за весельем, взял стакан и крикнул громко: „Кто скажет «масса»“. ²⁰ Царица ответила «Топ!» и, отерев слезы, осушила стакан вина».

О том, каковы были эти «вечеринки» и каковы были участвовавшие в них, «Мемуары» вдаются в большие подробности. «Меншиков только для совета. Ягужинский на все руки, и всякому приходит черед... Барон Левенвольд, кажется, пользуется наибольшим влиянием... Девьер принадлежит к явным фаворитам... У графа Сапеги тоже свое место. Это красивый малый, хорошо сложенный, в полной силе молодости. Ему часто посылают букеты и драгоценные вещи... Есть еще фавориты второго класса, но их знает только фрейлейн Иоганна, старая горничная царицы, ведающая ее развлечениями».

Записки таким образом только резюмируют переписку, относящуюся к периоду от 1725 до 1727 года и изобилующую подобными чертами:

«14 октября 1725 г. – Царица (Екатерина I) продолжает с некоторым излишеством предаваться удовольствиям, до такой степени, что это отзывается на ее здоровье.

22 декабря. – Царице было довольно плохо после кутежа в день св. Андрея... Кровавое пускание принесло ей облегчение; но так как она чрезвычайно полна и ведет жизнь очень неправильную, то думают, что какой-нибудь непредвиденный случай сократит ее дни».²¹

Датский посол Вестфаль, со своей стороны, высчитал количество венгерского вина и данцигской водки, потребленных за два года царствования, и получил сумму около миллиона рублей²² – недурная цифра для государства, общие доходы которого составляли всего около десяти миллионов.

Это свидетели пристрастные? Может быть. А расходная книга? Я согласен руководствоваться исключительно ею. Хотя и Кампредона никак нельзя назвать неприязненным соглядатаем. Он в это время мечтал о франко-русском соглашении и примешивал к своим рапортам самые лестные отзывы о «талантах» и «уме русской государыни», прибавляя в то же время, как она собственноручно пыталась одну из своих женщин, виновную в том, «что та разболтала, как заставила вылезти из-под ее (императрициной) постели камергера, притворившегося пьяным и намеревавшегося дожидаться там часа, удобного для любовников». Кампредон отдавал справедливость мужеству и самообладанию храброй подруги, которой

¹⁹ Hermann.

²⁰ При игре в кости начинали партию, говоря, например: «Масса десять пистолей».

²¹ Архив французского Министерства иностранных дел.

²² Корсаков. Воцарение Анны I.

Петр приписывал свое спасение в роковой день при Пруте. Он рисовал ее производящей смотр своим гвардейцам и даже не вздрогнувшей при залпе, – по случайности или нарочно, – убившем человека в четырех шагах от нее. «Пуля была не для того бедняка», – просто сказала она, подозвав начальника маневров и вырывая у него шпагу.²³ Но на французского посла, также как на всех его товарищей, общий строй жизни при новом царствовании производил впечатление вечного праздника, превращаемого, благодаря склонностям императрицы и традициям предыдущего царствования, в оргию.

Приближенных императрицы, старых и новых, уже было бы достаточно, чтобы придать ее царствованию именно такой характер. Началось с камер-фрау. Их было три немки, во главе с Анной Крамер, плененной, как ее госпожа, при взятии Нарвы и посланной с семьей в Казань. Местный губернатор, «оценив ее», по выражению князя Долгорукова в его «Записках»,²⁴ последовал примеру Меншикова, уступив ее Петру, который сначала поместил ее при девице Гамильтон (одной из своих любовниц), затем при самой Екатерине, сделав ее фрейлиной; потом она стала его домоправительницей и, наконец, перешла гофмейстериной ко двору великой княжны Наталии Алексеевны. Юстина Грюнвальд и Иоганна Петрова, немецкого имени которой, скрытого под этой русской фамилией, мне не удалось узнать, довершали в 1725 году трио. Два года спустя Крамер в обществе четвертой немки, Каро, как говорили, бежавшей из гамбургского публичного дома – вот почти буквальное подтверждение слов Герцена – попала в тюрьму за кражу бриллиантов. По смерти великой княжны Наталии один из ее перстней очутился на пальце секретаря – немца молодого князя Долгорукова, фаворита Петра II.²⁵

Из русских только две были близки к императрице: девица Толстая и вышеупомянутая княгиня Голицына, подвиги которой мы видели.

Нечего сказать, хорошая компания! Но и сама семья стоила своих слуг. 21 мая 1725 г. была свадьба старшей дочери императрицы, Анны Петровны, с герцогом Голштинским, Карлом-Фридрихом. Три дня спустя саксонский резидент доносил своему двору:

«Меня уверяют, что после свадьбы герцог Голштинский три раза не ночевал дома – или по нежеланию жены, или из-за московской гризетки, которая здесь. Мать в отчаянии, что пожертвовала дочерью». Впрочем, сама принесенная в жертву дочь вовсе не приходила в отчаяние. На следующий год тот же дипломат писал, что она вознаграждает себя, ночуя «то у одного, то у другого», в обществе своей двоюродной сестры, будущей императрицы Анны I.²⁶

Введение этой голштинской ветви в дом Романовых и в русскую историю было последнею мыслью Петра Великого. Единственный сын старшей сестры Карла XII, Гедвиги-Софии и Фридриха IV, герцога Голштинского, мужа Анны Петровны, по-видимому, ждал со временем наследие дяди. Победенный при Полтаве Карл увлек и несчастного принца в своем падении. Собственные владения его сделались добычей Дании, так что, не зная куда податься, герцог, наконец, решился искать приюта в России, где его ждало неожиданное счастье. Блезненный, некрасивый, не умный, он не имел ничего, чем мог бы понравиться. Однако он настолько понравился Екатерине, что она пожелала иметь его зятем, и Петр одобрил ее выбор. Как претендент на шведскую корону и законный владелец земли, захваченной Данией, молодой человек соглашался на различные комбинации высшей политики. Екатерина, не занимавшаяся политикой, унесла с собой тайну своего предпочтения; но можно догадываться о его причинах. Симпатии между пороками – одна из самых неизменных зако-

²³ 12 февраля 1726. Архив французского Министерства иностранных дел.

²⁴ 1867—71 г.

²⁵ Сборник. V. См. Есипов. Горничная Екатерины I. «Исторический Вестник».

²⁶ Hermann.

нов природы. Анна Петровна не сразу согласилась. Она, по-видимому, заслуживала лучшей партии. Даже Шантро, которого нельзя заподозрить в лести, говорит, что она была «красавицей», а передаваемый им анекдот о графе Апраксине, навязчивое ухаживание которого она отвергла, показывает, что княжна была не глупа. Когда этот слишком предприимчивый ловелас подал ей шпагу, прося смерти от ее руки, если она отвергает его, она сделала вид, что хочет действительно пустить в ход оружие, и обратила нахала в бегство.²⁷ После замужества, только несколько отсроченного смертью Петра, она, как мы видели, не отказывала себе в развлечениях, между тем как восшествие на престол Екатерины выдвинуло герцога в первый ряд и сделало из него ближайшего советника и доверенного тещи. Через несколько месяцев он вместе со своим министром Бассевичем был как бы чем-то вроде регента.

Подругой ночных развлечений его жены была Анна Курляндская, дочь старшего брата Петра, Ивана, овдовевшая в 1710 г., т. е. на второй день своего брака. Петр устроил эту свадьбу между двумя поездками по Германии, действуя также не без задней мысли, оказавшейся гениальной идеей. Вассальная связь, соединявшая Курляндию с Польшей, ослабела с течением времени, и герцогство уже давно являлось лакомым кусочком для других, более сильных соседей. Герцог Курляндский не успел отвезти жену домой: он умер дорогой, упившись на своей свадьбе. Я рискую еще раз навлечь на себя обвинение, что рассказываю сказки! Петр, тем не менее, пожелал, чтобы Анна Ивановна жила в Митаве. Она там скучала и под различными предлогами часто являлась на берега Невы, где тоже находила себе утешения. Ее агентом в Петербурге был Рейнгольд Левенвольд.

Левенвольд принадлежал к семье, происходившей из Люнебурга, но поселившейся с тринадцатого века в Ливонии; он служил в шведской армии, а после Полтавы перешел на сторону победителя. Очень способный к интриге, он воспользовался герцогиней Курляндской, чтобы приблизиться ко двору, и служил ей, составив целую приверженную ей партию, центром которой была очень живая и влиятельная особа, княгиня Волконская, урожденная Бестужева. Анна Иоанновна, которую ее Курляндское герцогство кормило плохо, постоянно²⁸ и сильно нуждалась в деньгах, и ее друзья удовлетворяли ее требованиям, обирая ее сестер, кричавших «караул». Получив за эти услуги право являться ко двору запросто, ловкий придворный сумел воспользоваться им для своей выгоды. Типичный представитель немцев, державшихся «тише воды, ниже травы», а при последующих царствованиях заявивших такие громкие притязания, Левенвольд старался всеми силами устроить свою карьеру. Красивого, но ничтожного при его прекрасных манерах, тратившего на игру и другие прихоти большие суммы денег, получаемые от женщин, искусного устроителя праздников и интимных пирушек, его принял с распростертыми объятиями кружок, среди которого Екатерина вознаграждала себя за лишения минувших дней. Он сделался ее возлюбленным наравне с Петром Сапегой. С последним, принадлежавшим к одной из знаменитейших польских семей, в России появляется новый вид авантюриста-перебежчика, которые при катастрофе, постигшей в недалеком будущем их родину, должны были заботиться о спасении своего достояния ценой, обыкновенно уплачиваемой за подобные компромиссы. Отец его, бывший кандидатом на высшую военную должность в республике, умер русским фельд-маршалом и секретным агентом на жаловании своих новых государей.²⁹ Судьба, еще более выгодная, но еще менее славная, ожидала его сына. Рассказывали, что Екатерина была крепостной двум дворян; этим объясняется их прибытие в Петербург после возвышения их бывшей «холопки».

²⁷ Chantreau. Voyage en Russie. 1794.

²⁸ Хмыров. Графиня Головкина и ее время.

²⁹ Архив французского Министерства иностранных дел – Россия. Переписка Маньяна, а позднее Берниса с Лопиталем. Письма от 20 декабря 1728 г. и от 1 октября 1758 г.

Вот из кого состоял двор! Не извинительно ли, что дипломатический корпус, знавший только его и, видя, что он предавался своим естественным наклонностям, судил о правительстве по лицам, как бы составлявшим его? Лефорт, например, писал:

«14 июля 1725 г. Нет возможности определить поведение этого двора. День превращается в ночь, он не в состоянии позаботиться обо всем. Все стоит; ничего не делается... Никто не хочет взять на себя никакого дела... Дворец становится недоступным; всюду интриги, искательство, распад...

25 мая 1726. — Боюсь прослыть за вряля, если опишу придворную жизнь... Кто поверит, что ужасные попойки превращают здесь день в ночь... О делах позабыли; все стоит и погибает...

15 марта 1727. — Казна пуста; денег не поступает, никому не платят... Одним словом, не нахожу красок, чтобы описать этот хаос».³⁰

Но так было только по видимости. Без сомнения, Екатерина была неспособна заботиться об обширном хозяйстве, выпавшем на ее долю и не походившем на те, в которых ей приходилось блистать в ту пору, когда она стирала белье Меншикова, или позднее, когда готовила своему новому хозяину его любимые блюда. Она была в состоянии присутствовать на учении какого-нибудь полка и находить удовольствие в подобном зрелище. Она снова жила лагерной жизнью, привычной ей в течение стольких лет. А кроме того, там можно было видеть красивых молодцов и сделать выбор между ними. Но, между двумя чарками водки, заботы императрицы, также как и способности ее, не шли дальше этого. Очевидно, она вовсе и не помышляла о том, чтобы управлять. А правительство, между тем, существовало. Оно, правда, не знало, в какую сторону броситься среди хаоса, описываемого саксонским агентом, но все же не погибало в нем, без чего это царствование и последующие, немногим отличавшиеся от него, наверное были бы гибелью России. Царству женщин противостояло в России, как и в других странах, естественная противоположная партия, одновременно гибельная и спасительная: фаворитизм, историческое значение которого и физиономию я постараюсь обрисовать. Это явление не вполне разрешает загадку, сбивавшую с толку всех современных наблюдателей: поддержание и развитие огромной державы при условиях, по всей видимости, способных привести ее к гибели.

Россия имела другие причины для жизни и роста, и я также постараюсь выяснить их. Но участие во власти Меншикова и Потемкина было одним из необходимых факторов этой столь изумительной судьбы.

³⁰ Сборник. III.

Глава 2

Фаворитизм. Меншиков

I. – Историческое происхождение фаворитизма. – Борьба Меншикова с его соперниками. – Острое столкновение. – Учреждение Верховного Совета. – Характер и последствие реформы. – Периодический упадок самодержавия. – Екатерина не имеет никакого значения. – Самодержавие и фаворитизм в опасности. – Месть Меншикова. – II. Вопрос о престолонаследии. – Агитация в пользу Петра Алексеевича. – Проект замужества. – Вмешательство Дании и Австрии. – Граф Рабутин. – Девица Крамер. – Петр Алексеевич, жених Меншиковой. – Торжество фаворита. – Смерть Екатерины. – Ее завещание. – Восшествие на престол Петра II. – III. Общие итоги царствования. – Участие Екатерины. – Ничтожество и грязь. – Почему Россия не последовала за ней в этом падении. – Страна и ее естественные богатства. – Задатки силы и причины слабости. – Преобразование без преобразователя. – Бессилие страны продолжать. – Финансовые затруднения. – Экономия поневоле. – Спасают внешность. – Академия наук. – Внешний престиж. – Дипломатия Петра Великого. – Положение Европы. – Союз с Францией. – Причины его неудачи. – Людовик XV и Елизавета. – Угрозы войны. – Союз с Австрией. – Присоединение Пруссии. – Первый тройственный союз. – Основание его и виды в будущем. – Итог. – Внутреннее и внешнее развитие задержались, но не прекратились. – Развитие продолжается.

I

Естественное дополнение к окончательной форме женского правления – фаворитизм – имеет в России две стороны. Левенвольды и Сапегы представляют одну из них – наиболее неприглядную. С Меншиковым и Потемкиным, впоследствии, тип фаворита поднимается до степени политической общественной силы и делается одним из необходимых колес правительственной машины. Уже самодержавие клонилось к созданию подобного колеса. Я показал,³¹ как Петр – частью по личному капризу, а частью по необходимости – создал так сказать подобие себе, назначая то Ромодановского, то Меншикова, своими заместителями в некоторых основных обязанностях самодержавия. Не имея государственного учреждения, способного снять с него долю бремени разнообразных обязанностей, державших на нем, обособленное и сосредоточенное в самом себе самодержавие рушилось под тяжестью этих обязанностей, даже в том случае, если его представителем являлась личность исключительной мощи. Екатерина I и ее ближайшие преемники даже не помышляли о том, чтобы нести тяжесть, и она сама собой скатывалась на плечи стоявших вблизи. После смерти Петра, Меншикову оставалось делать только то, что он делал десятки раз прежде, когда царь отсутствовал или предавался развлечениям. И на другой день после смерти, так же, как накануне, административные органы – Сенат, коллегии, различные канцелярии – оказывались неспособными ни на какую инициативу. Меншиков заменял ее и продолжал управлять по-прежнему. Он сделался повелителем.

По какому праву? Как постоянный заместитель царского авторитета, хотя подобное исполнение неограниченной власти и не было обусловлено никаким законом. Такова неотъемлемая черта фаворитизма, где бы он ни проявлялся.

Применение на практике такого режима не обошлось без затруднений. При жизни Петра, когда фаворит исполнял обязанности государя, последний стоял позади его, давая

³¹ Петр Великий.

свои согласия на временные распоряжения своего *второго я*. Екатерина желала подражать своему супругу; но у нее не было железной руки реформатора, и среди окружающих императрицу Меншиков нашел себе соперников. Герцог Голштинский с первых дней проявил намерение потягаться с ним и не подчиняться высокомерию, все усиливавшемуся в этом бывшем пирожнике. Бассевич старался еще раззадорить честолюбие и подозрительность своего герцога. У Меншикова не было ни гибкости, ни такта, чтобы устранить следствие этого. Однажды, когда он представил принцу своего восьмилетнего сына, мальчик вздумал встать во время приема, и все придворные последовали его примеру; а Меншиков и не подумал найти излишним подобное выражение почтения. Этот инцидент вызвал скандал. Появились и другие недовольные. Побежденные 28 января, но не примирившиеся, Голицыны и Долгорукие не расставались с мыслью о конституционной олигархии. Внутренняя жизнь страны частично зависела от хода этой борьбы.

В конце 1725 г. она повела к острому столкновению. Один из немцев – сотрудник Петра, отысканный им незадолго до смерти и предназначенный в будущем к великой роли, инженер Миних, был занят в это время скромной работой: постройкой Ладожского канала. За недостатком других рабочих, ему давали солдат, и в 1726 г. он потребовал их 15 000. Сенат намеревался удовлетворить его просьбу, когда Меншиков взял на себя доложить высокому собранию, что оно не может располагать ни одним человеком, каково бы ни было его постановление. Подобный способ решения вопросов был совершен в господствующем духе, но Петра уже не существовало, чтобы санкционировать его, и результат получился иной. Сенат выказал недовольство. Некоторые его члены выразили намерение не ездить более на заседания, и распространился слух, что возникшее неудовольствие этим не ограничится. Кампредон ждал революции. Он видел в перспективе правительство, «приблизительно вроде английского», и слышал, что подобный проект уже составлен и тайно послан в украинскую армию, откуда и «начнется движение». Действительно, идея подобного конституционного преобразования носилась в воздухе, и голштинская и олигархическая партии старались осуществить его, каждая по-своему. Даже в Сенате остатки старой знати, ослабленной реформами, сходились с людьми, недавно возвысившимися, вроде Ягужинского, находя невыносимым деспотизм фаворита.

Меншиков испугался и довольно ловко пошел на компромисс, отразившийся, подобно большинству такого рода перемен, прежде всего на собрании, первоначально вызвавшем столкновение. 3 февраля 1726 года вышел указ об учреждении *Верховного Тайного Совета* из девяти членов, в руки которых должны были перейти важнейшие, как внутренние, так и внешние, государственные дела. Иностранцы не сразу поняли смысл подобного учреждения. Кампредон видел в нем дело самого Меншикова и Толстого, имевшее целью утвердить поколебавшийся авторитет Екатерины и собственную власть, но не без некоторых противоречий; а также он упорно продолжал видеть в новом учреждении переход к английскому или шведскому образу правления.³² Это был только переходный компромисс.³³ Старая знать получила с Апраксиным и Дмитрием Голицыным представительство в Совете, дававшее возможность удовлетворять ее стремления и неприязни, а герцог Голштинский заседал в Совете рядом с Толстым и Меншиковым. Власть разделили между собой, не позаботившись, однако, определенно разграничить ее. Это послужило, отчасти, причиной неуверенности общественного мнения того времени, находящему еще и теперь отголосок в ученых спорах. Но в сущности произошла только замена одних лиц и имен другими. Учреждением нового органа у Сената отнимались три функции – законодательная, исполнительная и судебная, которые до того времени принадлежали ему. Теперь ему остались одни крохи. Таким обра-

³² Деша от 26 февраля 1726. Архив французского Министерства иностранных дел.

³³ Трачевский. История России; Ключевский. Лекции по русской истории.

зом реформа получила характер простой замены. В организации, полученной им от Петра, Сенат уже представлял собой скорее Совет, чем Палату. В нем заседало всего одиннадцать членов, большинство которых имело еще другие должности, так что в действительности присутствовало всего трое или пятеро.³⁴ Он и теперь еще сохранял теоретически, некоторую инициативу в делах законодательства; но ему приходилось уже предлагать свои проекты на рассмотрение Совета, вместо того, как то делалось прежде, чтобы подавать их на утверждение императрицы. Точно также в области администрации и административной юстиции, где его полномочия оставались, в сущности, очень обширными, совет отнимал у него только главенство в этой обширной компетенции. Однако никаким текстом не было урегулировано распределение, так что в первые минуты возникло, даже среди прямо заинтересованных, сомнение в действительности уменьшения этого главенства – *diminutio capitis*. Последующий указ от 9 февраля еще увеличил неуверенность, приказав Сенату «прерываться в прежнем состоянии и достоинстве», и сохранить в официальной переписке за ним наименование «Правительствующего Сената». Переход совершался постепенно, мало-помалу: указом от 7 июля 1727 г. уменьшалась сфера деятельности сенаторов в делах уголовных: указ 27 июля 1727 г. отнял у них управление Малороссией. И так далее.

В обстоятельствах, предшествовавших возникновению и развитию нового органа, действительно крылся зародыш реформы, важной в другом отношении, и почти революции. При более близком взгляде, Совет и его деятельность являются следствием внутренней работы, происходившей в продолжение веков в автократическом режиме под двойным влиянием его теоретического всемогущества и действительной слабости – антагонизма между личной властью и принципом представительства, вызвавшего в нем самом постепенное разложение. Рассмотренное нами столкновение с его исходом может послужить только примером такого антагонизма, точно так же, как образование в прошлом различных специальных советов, во все времена заступавших место абсолютизма в эпохи его периодических ослаблений.³⁵ И абсолютизму Екатерины I грозила окончательная гибель в этой многовековой борьбе. Протоколы заседаний нового Совета содержат в этом отношении весьма назидательные указания. 23 декабря 1725 г. члены Совета после заседания в отсутствие ее величества перешли в апартаменты императрицы, и... прежде послушали, как играют куранты недавно купленных часов, а затем государыня соблаговолила принять доклад, чтение которого продолжалось полчаса. После того она отправилась обедать, пригласив и советников к столу. Она отдала делам все внимание, на какое была способна. В следующем году, с 1-го января по 6 мая, день ее смерти, она ни разу не присутствовала в заседаниях Совета.³⁶

Таким образом применяемое, самодержавие превращалось в совершенную фикцию. И скоро Совет ограничил эту фикцию даже в том, что, дольше всего сохраняется из всех внешних проявлений власти, обреченных на погибель: ни в формуле присяги, приносимой советниками; ни в указах, исходивших из Совета, – нигде Екатерина не называется *самодержавицей*. Потому что они, эти советники, имели – или присвоили себе – право законодательной деятельности *motu proprio*. Вопрос этот спорный и не решен окончательно и до сих пор; но указ от 4-го августа 1756 г., *измененный* Советом уже после подписания его императрицей, по-видимому, решает спор. Мера была принята в отсутствие Меншикова и направлялась против него, а именно против обычая устных распоряжений, имевших силу закона, давать которые фаворит присвоил себе привилегию. Тем более знаменателен поступок Совета. По букве, указы Совета всегда бывали *именные*, от имени императрицы, так как предполагалось, что

³⁴ Филиппов. История Сената.

³⁵ Сергиевич. Лекции по истории русского права.

³⁶ Протоколы Совета, опубликованные в «Сборнике». Сравни Филиппова.

она председательствовала на всех собраниях. Мы видели, как оправдалось это предположение.³⁷

Захват власти, осуществленный таким образом, получил, наконец, вполне законное и неопровержимое признание в завещании Екатерины, которым во время малолетства великого князя Петра Алексеевича за регентством признавались все права самодержавного государя.³⁸

Первым, для чего советники воспользовались этими правами, было: не обращать никакого внимания на последнюю волю императрицы в других отношениях. Но со временем борьба, склонявшаяся как будто к поражению самого фаворитизма, как прямого продукта единодержавия, и к исключению его из будущих судеб страны, доставила Меншикову самый блестящий случай взять реванш; так что он одно время был в состоянии составить противовес судьбе своих противников и направить им во вред все свои прежние преимущества.

II

Выбор, сделанный солдатами Екатерины, вручившими ей власть самодержицы, скоро являлся перед ними в своем настоящем свете, т. е. в свете поступка очень необдуманного. Екатерине шел пятидесятый год, и ее здоровье, уже сильно пошатнувшееся, требовало осторожности, о которой она и думать не хотела, предаваясь удовольствиям и кутежам во всех видах. Скоро стало ясно, что она долго так не протянет, и возможность ее близкой смерти ставила творцов ее карьеры в очень затруднительное положение. Если бы наследником оказался сын Алексей или одна из дочерей Петра, Меншикову и Толстому грозила бы одинаковая опасность. От мужа герцогини Голштинской им не стоило ждать ничего хорошего. Сестра ее, Елизавета, которую тщетно старались пристроить во Францию – мы еще вернемся к этому эпизоду – нашла в 1726 г. партию гораздо менее блестящую, и также в голштинской семье. Ее жених, двоюродный брат ее деверя, брат одного из многочисленных претендентов на курляндский престол, а пока что епископ (любекский), умер до свадьбы, и задача осталась прежней. Человек, за которого Елизавета могла выйти, со временем мог также оказаться врагом. Остерман, будущий государственный человек, уже начинавший выдвигаться, встревожил было фаворита и его друзей своим предложением соединить обе соперничавшие ветви потомства Петра браком между теткой и племянником, между Елизаветой и сыном Алексеем. Церковь не позволяла такого союза, но уже само возникновение подобного проекта при всей его невыполнимости указывало, что все убеждены в невозможности, чтобы молодой великий князь был обойден вторично. И духовенство, и народ видели в нем законного наследника. Архимандрит нижегородского монастыря Исаия поминал на ектеньях «благочестивейшего великого государя нашего Петра Алексеевича», и когда ему возражали, отвечал: «Хотя мне голову отсекут, буду так поминать, а против присланной формы (Благоверного великого князя) поминать не буду, потому что он наш государь и наследник». В тайную канцелярию то и дело доставляли мужчин и женщин, виновных в том, что они высказывали подобные же взгляды.³⁹

³⁷ Взгляды Г. Филиппова, которых я придерживаюсь, оспаривались М. Алексеевым, вначале как бы разделявшим их в «Истории русского политического права», но затем ставшего на сторону противоположного мнения. См. брошюру: «Легенда об олигархических стремлениях Верховного Совета». – Валишевский.

³⁸ Великий князь Петр Алексеевич имеет быть сукцессором... 3) Во время малолетства имеют администрацию нести обе цесаревны, герцоги и прочие члены Верховного Совета, который обще из 9 персон состоять имеет... 5) И сим имеет полную власть правительствующего самодержавного государя, такого определения о сукцессии ни в чем не отменять. – Из завещания Екатерины.

³⁹ Соловьев. История России. Т. XIX. Ссылка на «Дела Тайной канцелярии» в Государственном Архиве.

Предписание церквам поминать на ектеньях цесаревен прежде царевича, первенство, отданное герцогу Голштинскому перед маленьким Петром в официальных церемониях, только раздражали общественное мнение, которому постоянно чудилось вмешательство вооруженной силы. Опять пошли толки об украинской армии. Говорили, что она уже на пути.

Без сомнения, неожиданное выступление, посредством которого Меншиков в 1726 г. вздумал бороться с Морицом Саксонским в Курляндии и водвориться там вместо его, было следствием подобного тревожного положения вещей. Я ниже коснусь того, как авантюра окончилась неудачей для обоих претендентов. Но Меншиков не замедлил подыскать себе исход гораздо более выгодный.

Возможность восшествия на престол одной из дочерей Екатерины угрожала также Дании из-за шлезвигского спора. Сознавая свое бессилие устранить опасность одними собственными силами, датский министр Вестфаль обратился к своему коллеге, австрийскому послу. Петр Алексеевич приходился племянником германской императрице, что создавало для представителя Германии привилегированное положение. Принадлежавший к древней бургундской фамилии родственной по матери голштинскому дому (она была принцессой Голштин-Визенбургской и происходила от ветви этой фамилии, поселившейся в Саксонии и Силезии) граф Рабутин имел связи в обоих лагерях и поэтому пользовался большим влиянием. Он придумал, чтобы уладить все, исход еще более своеобразный, чем план Остермана.

У Меншикова было две дочери, для которых он метил очень высоко. Он отказал принцу Ангальт-Дессаускому, сватавшемуся за одну, под предлогом, что мать принца слишком низкого происхождения. Говорили, что она была дочерью аптекаря. Старшая, красивая, грациозная и скромная, по словам современников – Мария Александровна с 1727 г. была невестой Петра Сапеги. Она обожала своего жениха, что было вовсе не по душе Екатерине, которая все отсрочивала свадьбу. Вдруг императрица решила расстроить ее совсем и выдать за Сапегу свою племянницу Скавронскую, вероятно надеясь, что та не будет так же расположена к своему мужу. Сапега благодушно покорился, но Меншиков ворчал, говорил о вознаграждении, которое ему обязаны дать, и Рабутин подвернулся как раз кстати, указав ему этот проект, до которого сам фаворит, несмотря на свое безграничное честолюбие, может быть и не додумался бы. Во всякой другой стране проект сочли бы безумством; но ловкий дипломат знал, с кем имеет дело. Девица Крамер получила 30 000 червонных, чтобы расположить императрицу в пользу проекта,⁴⁰ и в марте 1727 г. по Петербургу разнеслась весть, что Петр Алексеевич назначен по завещанию Екатерины ее наследником, и что он женится на девице Меншиковой, а отец последней по этому случаю получает от императора Карла VI грамоту на владение герцогством Козель в Силезии с принятием в число владетельных князей европейских.

Напрасно обе цесаревны бросились к ногам матери, умоляя не наносить такого позора дому Романовых; Меншиков одержал верх, найдя сильную поддержку во главе старой вельможной партии, Дмитрии Голицыне, не видевшем другого средства возвести на престол сына Алексея. Можно себе представить ярость и гнев Толстого, которому изменил его друг, и теперь грозили, наверное, преследования. Он пытался оказать отчаянное сопротивление. Обманутый Апраксиным, всегда малодушным, лишенный поддержки Ягужинского, которого Меншиков благоразумно удалил под предлогом поручения в Польше, Толстой нашел союзников только в лицах, имевших мало влияния: в Бутурлине и Девьере.⁴¹ Да и эти не сходились между собой. Девьер склонялся на сторону Анны Петровны, походившей, по его словам, на отца, а Толстой предпочитал Елизавету, потому что муж герцогини Голштинской, без сомнения смотрел на Россию только как на ступень к шведскому престолу. Стокгольм

⁴⁰ Щербатов. Записки. 1828; Долгоруков. Записки.

⁴¹ Настоящая фамилия этого авантюриста-португальца была, по-видимому, де Виейра.

еще сохранял престиж в Петербурге! Никто не отваживался на решительный шаг у Екатерины. Один сваливал поручение на другого. Прошли недели и месяцы в бездействии, как вдруг 10 апреля 1727 г. Екатерина заболела. Уже 8 марта Лефорт писал на своем варварском французском языке: «Царица, по-видимому, серьезно больна опухолью в ногах, поднимающейся к бедрам и не предвещающей ничего хорошего. Считают, что причина – злоупотребление спиртными напитками».⁴²

Сила будущего тестя, будущего императора, зависевшая от его положения, вполне проявилась по этому случаю так же, как полное ничтожество всех правительственных учреждений, когда какое-нибудь из ряда вон выходящее обстоятельство требовало их вмешательства. Меншиков вполне забрал Верховный Совет в свои руки, и он творил его волю. Было решено считать Петра Алексеевича несовершеннолетним до 16 лет, а регентом на это время быть его тестю, хотя по праву управлять должен был Совет.

При совершеннолетию племянника, две цесаревны, Анна и Елизавета, должны были получить каждая по 1 800 000 рублей и бриллианты матери, разделенные поровну.

Толстой счел свое дело потерянным и притих. Но Меншикову были известны все его прежние происки, и он воспользовался некоторыми необдуманными поступками Девьера, чтобы устранить всех участников заговора. У него были, кроме того, старые счеты с португальцем, с которым ему пришлось поневоле породниться, выдав за него свою сестру. Девьер был арестован. Обвинительный акт против Бесчастного был образцом уголовного процесса того времени. Девьера обвиняли в том: 1) что он не только не был в печали при жестокой болезни параксизмуса ее величества, но и веселился и плачущую Софью Карлусовну (Скавронскую), племянницу императрицы вертел вместо танцев и говорил ей: «Ненадобно плакать». 2) В другой палате сам сел на кровать и посадил с собой его высочество великого князя и нечто ему на ухо шептал; в тот же час и государыня цесаревна Анна Петровна в безмерной быв печали и стояв у стола плакала; и в такой печальный случай он, Девьер, не встав против ее высочества и не отдав должного рабского респекта, но со злой своей дерзостью говорил ее высочеству, сидя на той кровати: «О чем печалишься, выпей рюмку вина...» 4) Его высочество напоминал, что его высочество сговорил жениться, а они за нею (за невестою его) будут волочиться, а его высочество будет ревновать».

Все эти обвинения служили, конечно, только предлогом, чтобы начать розыск с его обычными приемами – пыткой и кнутом. В застенке Девьер признался в своем сообщничестве с Толстым и Бутурлиными. Последний, имевший влиятельных родственников, отделался ссылкой в свои поместья. Двое других были «лишены чина, чести и деревень» и сосланы Сибирь. Относительно Девьера еще прибавлено по приказанию Меншикова: «Девьеру, при ссылке учинить наказание, бить кнутом».⁴³

Но казалось, очевидным, что и обе цесаревны принимали участие в заговоре. Испуганный герцог Голштинский поспешил вступить в соглашение с временщиком через посредство Бассевича, Меншиков оказался сговорчивым, согласившись на то, чтобы обеим цесаревнам было выдано немедленно по миллиону и чтобы они не были забыты при установлении порядка будущего престолонаследия. Герцог даже добился утверждения обещания, данного Петром, поддерживать при случае притязания его (герцога) на шведскую корону. Все это должно было найти себе место в завещании императрицы, новую редакцию которого составил Бассевич. Меншиков же взял на себя заботу о подписании его государыней. Наконец, из миллиона, назначенного принцессе Голштинской, фаворит выговорил себе 60 000 рублей, не ожидая, что ему скоро придется ответить за это мошенничество.

⁴² Hermann.

⁴³ Дело Девьера в Государственном Московском Архиве; Соловьев. Костомаров. Монографии. XVI; Алабин. Биография Бутурлина, в «Русской старине».

Все это происходило в первых числах мая. Екатерина умерла, и тотчас же завещание, устанавливающее права Анны и Елизаветы, на тот случай, если бы Петру Алексеевичу пришлось умереть без наследников, было прочитано в присутствии членов императорской фамилии, членов Верховного Совета, Сената, Синода и Генералитета. Завещание явно нарушало закон престолонаследия, установленный Петром Великим, а также закон естественный, вовсе не упоминая о законных дочерях Ивана, *старшего брата*, перед которыми было оказано предпочтение *незаконным* дочерям *меньшего* брата. Сапега, не отходивший от смертного одра императрицы, утверждал, что она ничего не подписывала. Но большинство было удовлетворено признанием, наконец, прав сына Алексея. Все поздравляли молодого императора, как поздравляли Екатерину, а народ принял это новое царствование так же, как предыдущее, не спрашивая о причинах. Секретарь императорского кабинета, Макаров, уведомил о восшествии на престол Петра главное лицо тогдашней Москвы – графа Мусина-Пушкина любопытным письмом, где Петр II является одновременно государем по завещанию, по избранию и по наследству: «По ее величества *тестаменту*, учинено *избрание* на престол Российский новым императором *наследственному* государю, его высочеству великому князю Петру Алексеевичу».⁴⁴

Екатерина царствовала два года и два месяца. Я постараюсь теперь подвести итоги этого царствования с двойной точки зрения: внутренней и внешней политики.

III

Личное участие Екатерины в этом правлении не велико, как уже было указано. Оно вначале ограничилось раздачей наград и рядом мер, вознаграждавших многочисленных более или менее важных опальников прошедшего царствования. В Петербурге появилась целая толпа как бы выходцев с того света: Шафиров, Скавронский-Писарев, Лесток и монах Суздальского монастыря, замешанный в деле Евдокии, а также друзья несчастной царицы и родственники Глебова. Ушакову, палачу Монса и его сообщников, было поручено вернуть из Сибири поверенную преступной любви, чуть было не погубившей Екатерину, Матрену Балк и ее детей. Секретарь казенного любовника, Столетов, шут Балакирев, тоже запутанный в трагическом процессе, были возвращены из каторжных работ, а документы, относящиеся до этого знаменитого процесса, запечатаны, за исключением одного письма, вероятно, особенно компрометирующего, которое было сожжено.⁴⁵

Одна только Евдокия не воспользовалась милостями императрицы. Ее, правда, вывели из монастыря, где она была заточена, но только для того, чтобы поместить в более надежную тюрьму: в Шлиссельбургскую крепость. Правда, на ее содержание были назначены достаточные суммы; но это не мешало ей временами даже голодать. Деньги расходились по рукам тюремщиков, а Екатерине некогда было наблюдать за их употреблением.

Она веселилась. А если и случалось ей вмешиваться в дела правления, то не к пользе их. Как мы видели, она присутствовала на парадах, и вздумала также присутствовать на морских учениях и сама руководит морскими маневрами. Но это не мешало генерал-адмиралу Апраксину замечать, что у его матросов нет одежды, даже иной раз рубашек. Суда старели и не возобновлялись. В продолжение всего царствования спустили только два линейных корабля. В 1726 г. было приказано вооружить войско, но не оказалось денег. Адмиралу пришлось выдать займы 2000 рублей из своего кармана на неотложные нужды.⁴⁶ Петр обрел

⁴⁴ Соловьев. Ссылка на Записную книгу кабинета в Государственном архиве и о слухах относительно подложности завещания на донесение Лефорта.

⁴⁵ Семевский. Екатерина Алексеевна.

⁴⁶ Веселый. История флота.

в Мариенбургской пленнице подругу, подходящую к его вкусам и привычкам; но она всегда была только выющимся растением, обвивающимся вокруг могучего ствола. Когда великан-дуб пал, то она распласталась по грязи, вернувшись к ничтожеству.

Предположив, что Россия последует за Екатериной в этом падении, современные наблюдатели сильно ошибались также и относительно того, что составляло сущность и величие предыдущего царствования. Необузданная энергия и героическая мощь преобразователя работали над организмом, сильным уже самом по себе и способным существовать и даже расти дальше, извлекая из собственных запасов элементы силы и роста. Конечно, теперь, казалось, отсутствовал импульс, заставивший страну одним скачком перескочить через стадии прогресса, в других местах измеряемые веками. Народная масса, ничего не понимавшая в реформах, не имела ни желания, ни возможности продолжать идти этим путем, цель которого не видима, тем же шагом, уже начавшим утомлять даже самого Петра. Для того же, чтобы продолжать личное дело реформатора, у его естественных наследников, кроме Екатерины, с Меншиковым во главе, не хватало ни направляющей идеи, ни даже технических знаний. Петр их приставил к работе, как сам за нее стал, без подготовки, без согласования между поставленной задачей и способностью ее выполнить. Он также не давал себе труда посвятить своих сотрудников в общий план здания, которое намеревался строить. Большинство не знало ни цели, ни назначения мелких подробностей, поручаемых их выполнению. Наконец, большая часть была искателями приключений, видевшими в этой работе только заработок или способ сделать карьеру. Предоставленные самим себе, они пошли к тому, что их больше интересовало, а главное, занялись придворными происками.

Царствование Екатерины составило застой в начавшемся развитии. Но, может быть, это еще не было несчастьем. Действительно, кажется, что Петр своими колоссальными размерами и блеском своего гения заслонял неспособность страны выдержать, пока, в целом эту цивилизацию, которую на нее навалили. Точно также при введении нового порядка вещей, некоторые недостатки слишком поспешной постройки укрылись от взгляда преобразователя, а теперь выступали наружу. В этой стране – как я уже сказал и как показало близкое будущее – скрывались ресурсы огромные, но еще малопригодные для употребления их согласно ученым формулам западной экономики: была масса человеческих жизней, которыми можно было распорядиться; не было недостатка в людях, преданных и мужественных, но богатых было немного; больше подданных, готовых идти на смерть за своего государя, чем способных отдать хотя бы несколько рублей в его казну. Крепкая вера реформатора в быстрое развитие промышленности и торговли, недавно созданных, не подтвердилась. Доходы не только не увеличивались, но, напротив, уменьшались в ужасающих размерах. В 1725 г. едва-едва собирали десять миллионов рублей – нищенство для большой европейской державы, которую приходилось поддерживать на известной ноге. А в ближайшие годы доходы спустились даже до 8 миллионов! Это явление нетрудно объяснить, если вспомнить о временном распределении общественных и экономических сил. Долю промышленного и торгового класса приходилось в 1722 г. – год первой *ревизии* — всего 2,9 %, т. е. 172 000 душ, да шесть миллионов составлявших население Великой России. В последующее пятидесятилетие прирост в этом отношении самый незначительный, и цифры поднимаются только на 196 тысяч и 6 400 000. Для всей империи данные, собранный одним современным дипломатом, Вокеродом,⁴⁷ оказываются еще менее утешительными. Дворянство, чиновники и духовенство составляют 3,8 %, 1,5 % и 2,3 % горожан. А остальные? Остальные, т. е. 90 %, были крестьяне. Новый режим, навязанный стране, ложится особенно тяжело и именно на этот последний класс, единственный действительно продуктивный, и один он не был в состоянии вынести этой тяжести. Уже в 1724 году оказалось миллион недоимок от невзноса подушной

⁴⁷ Russland unter Peter dem Grossen.

подати, т. е. 25 %. Административная система, введенная Петром, сама по себе была создана, чтобы делать более тяжелой непропорциональную тяготу податей, лежавшую на этих единственных плательщиках. В основании этой системы лежали два элемента весьма различного происхождения и значения: коллегиальная организация и привлечение к делу местных сил – первое происхождение заграничного, второе – освященное народной традицией. Первый элемент оказался на практике совершенно непригодным, и, уничтожая его, наследники великого человека только повиновались инстинкту самосохранения, второе начало могло и должно было дать хорошие результаты в будущем; но опыты, делаемые с его приложением, без Петра, показались преждевременными. В этом отношении, как во многих других, преобразование без преобразователя походило на машину, которую лишили двигателя.

Вместе с гением у Петра была вера, способная сдвинуть горы. Но подобные чудеса не бывают продолжительны. Предполагали, что постепенная национализация административных учреждений, заимствованных извне, входила в общий план, задуманный реформатором, и я согласен признать это, хотя он и не высказал их намерений в этом отношении; но во всяком случае, эта задача превосходила способности его преемников. Они довольно ясно сознавали, каково было унаследованное ими положение вещей. Была учреждена под председательством Дмитрия Голицына комиссия для рассмотрения состояния городов и деревни и отыскания способов улучшения фиска, представители которого были из рук вон плохи, что и вело всех к разорению. Комиссия указала совершенно справедливо на слишком большое число чиновников, занятых распределением податей, на тиранию местных властей, на неудобства от постоя войск в округах, как на причины все усиливающегося истощения. Лекарство было найти гораздо труднее, да и некогда оказалось искать его. Придворные интриги, борьба партий захватили все умы. Сражались за Меншикова или против него и, между прочим, додумались только – для выхода из затруднения – вернуться к практике XVII века – когда *воеводы* были одновременно в своих областях и администраторами, и судьями, и собирателями податей. Народ, правда, прозвал их «волками лютыми», но подобным вещи легко забывают, когда возвращаются к старым порядкам, что в обычае у всех стран. Прибавили виселиц для лихоимцев и вымогателей, надеясь с помощью подобной предосторожности положить конец злоупотреблениям. Но положение дел не улучшалось; поступления все падали. Тогда решили уменьшить расходы. Не только отказались от достройки здания по широко задуманному архитектором плану, но даже склонялись пожертвовать некоторыми частями уже возведенными или строящимися. Даже в области народного образования – этом краеугольном камне цивилизующего здания – паролем стало применение самой строгой экономии, и в октябре 1726 г. указ объявил слияние светских школ с духовными семинариями, уничтожая одним почерком пера одно из важнейших созданий реформы.

Сохранился только фасад с его декоративной внешностью, выстроенный Петром Великим несколько напоказ. Екатерина I в этом отношении как будто исполняла гордые слова, которыми начала свое царствование, говоря, что с помощью Божьей она надеется выполнить все начинания своего супруга. Она осуществила учреждение Академии наук, задуманное великим человеком, и в стране где девять десятых жителей не умели читать, снарядила экспедицию Беринга, намеченную в предыдущем царствовании. Беринг был датчанин, а Блументрост, президент Академии – немец, и, кичась их подвигами и работами, России как будто щеголял в чужих перьях, отнимая в то же время от употребления менее тщеславного, но более полезного средства, которых, как мы видели, не хватало на самые насущные потребности. Но крайности, по-видимому, составляют во всех направлениях и отношениях один из законов, управлявших развитием этой страны. По-видимому, задыхаясь и обнищав, она в то же время являлась способной поддерживать, во всей его неприкосновенности с внешней стороны, политическое наследие Петра. Соратники Петра – Долгорукий, Матюшкин, Левашов защищали его завоевания в Персии; Голицын наблюдал за новыми украинскими границами,

Менгден за австрийскими; Бухгольц за сибирскими; Алексей Головкин в Берлине, брат его, Иван, в Гааге, Куракин – в Париже, Ланчинский – в Вене, Головин – в Стокгольме; Неплюев и Румянцев – в Константинополе – сохранили только что родившейся дипломатии весь престиж, который она уже успела приобрести. Даже в Китае Савве Владиславовичу Рагузинскому удалось вступить в сношение с мандаринами, благодаря иезуитам, помощи которых он попросил не колеблясь, вызвав при этом терпимость, пример которой дал Петр, пообещав ордену способствовать его членам, корреспондентам и миссионерам проезд по России. С другой стороны, успев взять на жалование несчастного грузинского царя Вахтанга, эта дипломатия выказала все разнообразие и обилие средств, находившихся в ее распоряжении для разрешения важного восточного вопроса.

И зять Петр оставил положение, полное затруднений и опасностей. Европа, как известно, скоро после восшествия на престол Екатерины оказалась разделенной на два лагеря. Австрия соединилась с Испанией, чтобы отнять Гибралтар у Англии. Существовал проект брака между Марией-Терезией и Дон Карлосом, сыном второй жены Филиппа V. Скипетр, находящийся таким образом в руках испанского принца, должен был установить гегемонию Австрии в Италии, где Парма, Пиаченца и Тоскана, упроченные за Дон Карлосом, присоединялись к его владениям – Неаполя и Сицилии. На Венский трактат, подписанный 30 апреля 1725 г. императором и Испанией с такими намерениями, Англия ответила в следующем сентябре месяце Ганноверской конфедерацией, в которую привлекла, несмотря на оппозицию Вальполя, Пруссию и Францию. Пруссия не долго оставалась в нем. На полях доклада о выгодах подобного союза, представленного министрами королю Фридриху Вильгельму, он написал: «Я невеста, за которой гонятся. Поэтому и я желаю иметь что-нибудь осязательное взамен; иначе никто меня не получит». Он до бесконечности варьировал это желаемое возмездие: то являлись претензии Пруссии на Юлих и Берг, то требовалась гарантия в мекленбургском наследстве, без которых король считал для себя невозможным начать кампанию. Наконец, все от него отвернулось, решившись переменить план. Положение, занятое Россией, сильно влияло на его колебания.

В политическое наследие Петра входили отношения с Англией, если не прямо враждебные, то по крайней мере очень натянутые. В действительности дипломатические сношения были прерваны. Кампредон старался восстановить их. Готовился франко-русский союз, который влек за собой примирение с Англией. К несчастью, это было здание, воздвигаемое на иллюзии. Екатерина, после смерти Петра, положила в основание его невозможное требование: женитьбу Людовика XV на Елизавете. По моему мнению, принесение в жертву естественных интересов России повсюду, где они приходили в соприкосновение с интересами Франции, Турции, Дании, Швеции и Польши, даже оплаченные подобной ценой, не имело себе оправдания. Уже один вопрос о владении Шлезвигом, гарантированном Францией и Англией Данией, образовал с этой стороны пропасть. В Версале, собственно говоря, никогда и не обсуждали серьезно подобного проекта. Подлинный отчет об этих переговорах, имевших следствием многочисленные недоразумения, не оставляют сомнения в этом отношении. 11 апреля 1725 г. Екатерина, давая аудиенцию Кампредону, заговорила по-шведски, чтоб не быть понятой окружающими. Она уверяла французского посланника, что «предпочла бы дружбу с Францией дружбе всех прочих европейских держав». И в тот же день императрица отказалась от более подробных объяснений; Меншиков отправился к Кампредону и открыто заговорил о браке, высказывая большую уступчивость в условиях; даже, обещая, что Елизавета примет католичество! Посланник мог только сказать, что он очень польщен предложением, но просил отсрочки, чтобы передать его в Версаль и получить оттуда соответствующие распоряжения. Но прежде еще, чем его курьер вернулся, в Петербурге распространился слух о предполагаемом союзе Людовика XV с английской принцессой. Он вызвал большое волнение. Но так сильно было желание смешать кровь венской крестьянки с самой благо-

родной кровью Европы, что тотчас же пошли на уступки. На этот раз посредником выступил герцог Голштинский. Он заявил Кампредону, что готов удовлетворяться герцогом Орлеанским. Поскакал новый курьер. Двойной ответ, привезенный им из Версаля от 21 мая, был к несчастью таков, что пришлось положить конец всем надеждам. В этом ответе выражения бесконечной благодарности сопровождалась категорическим отказом, едва скрываемым под несколькими вежливыми выражениями: боялись, «как бы намерение царицы перевести свою дочь в иную религию не показалось зазорным ее подданным... и к тому же герцог Орлеанский уже просватан...»

Проект союза был похоронен в тот день, когда в Петербурге стало известно содержание этой депеши. Переговоры по этому вопросу, которые как будто намеревались продолжать, проекты и контрпроекты, принимаемые Кампредоном как бы за серьезные, не обманывали никого во Франции. Так что 8 ноября 1725 г. посланнику было предписано прекратить переговоры, а когда он не послушался, то в декабре ему объявили прямо, что ему нечего делать при царском дворе. Русские дипломаты старались замаскировать свое поражение и уже начатые переговоры с венским двором. Кампредон знал о последних: Ягужинский открыто говорил о них за столом у австрийского императорского министра, обещая «скоро задать страху Англии и ее друзьям». В январе 1726 г. сам французский посол передавал тревожные слухи, носившиеся по этому поводу: царица и ее Совет решили напасть на Данию, лишь только море очистится ото льда. В Версале не колебались о том, как следует принять эту угрозу. Кампредону было тотчас же поручено отвечать на нее «самыми вескими представлениями», сопровождаемыми уверенностью, что король не преминет принять участие в вызванных таким образом враждебных действиях. О союзе уже не было и речи! Вызванная на борьбу Франция взялась за оружие. Кампредон просил аудиенции у императрицы, но не получил ее и просил прислать ему предписание о выезде, не отклонявшись государыне. Пахло войной.⁴⁸

К счастью, до того не дошло. В мае 1726 г. сильный английский флот из 23 судов и датская эскадра, соединенные под командой адмирала Уоджера, появился перед Ревелем. Предмет этой демонстрации, не принесшей пользы союзникам, остался загадкой. Россия очень благоразумно удержала свои корабли под защитой естественных прикрытий негостеприимного берега и отвечала на вызов двумя миролюбивыми манифестами (июнь и август 1726) Дававшими англичанам право свободной торговли у себя. Когда, в сентябре Англия и Дания решились сняться с якоря и направились к западу, не выпустив ни одного пушечного заряда. Россия могла посмеяться над ними и имела все выгоды победы.

Ее согласие, данное 6 августа 1726 г. на участие в Венском трактате, казалось сначала менее благоразумным и еще до сих пор вызывает ожесточенную критику. Зачем это понадобилось России? Какой интерес был для нее обещать тридцать тысяч человек на службу императору? И обещать ему столько же против Турции. Нового столкновения с Турцией возможно было предвидеть только в весьма отдаленном будущем, между тем как германские поля битвы могли ежедневно потребовать новых вспомогательных русских сил. В этом отношении считали, что интересы герцога Голштинского и Меншикова заняли место выгод, которыми могла бы извлечь Россия из этого трактата. Действительно, император одновременно присоединился к русско-шведскому договору 1724 г., обещавшему герцогу Голштинскому возвращение его наследия, и к самому австро-русскому соглашению была прибавлена секретная статья в том же смысле. С другой стороны и Меншиков имел определенные причины относиться доброжелательно к Австрии. Однако все это были второстепенные и призрачные комбинации, и Швеции пришлось скоро отделиться от русского союза, и ее присоединение к ганноверской лиге в марте 1727 года было делом самого Меншикова. Получив 5000 червонных английских денег, временщик не поколебался сообщить шведам, что в Верховном

⁴⁸ Переписка Кампредона в Архиве французского Министерства иностранных дел – Россия.

Совете существует большое разногласие по вопросу об интересах герцога Голштинского, что Екатерина очень больна, а он сам, Меншиков, очень расположен предоставить Швеции полную свободу примкнуть к какой ей угодно партии.⁴⁹

Из всех документов, которые мне пришлось просмотреть по этому поводу, совершенно ясно, что герцог не сумел привлечь к себе определенных симпатий на берегах Невы. В Совете и среди окружающих Екатерину желали отделаться от него, хотя бы принеся для этого денежную жертву.

Таким образом Швеция оказалась с Францией в одном лагере, а Россия в другом; но при этом притязания молодого герцога на наследство Карла XII и его еще более неоспоримые права на владение Шлезвигом не играли никакой роли. Но, с другой стороны, не в силах Меншикова было бы связать интересов его отечества с интересами Австрии, если бы обе стороны не увлекались по наклону естественным ходом их исторического развития. Этот союз также составлял часть наследия Петра Великого, страстно желавшего его, чтоб отомстить за поражение при Пруте, и огорчавшегося, что не удавалось добиться его. Союз был логическим следствием отношений, созданных Петром между Россией и ее западными соседями.

Не принимавшая никакого участия в браке дочери Меншикова Пруссия скоро последовала примеру Австрии. Лавируя и торгуясь направо и налево, Фридрих Вильгельм незаметно увлекался в эту сторону. После смерти Петра, прусский министр в Петербурге, Мардефельд,⁵⁰ спросил, какой траур он должен носить по царю. Король отвечал: «Как по мне». И при дворе траур был тогда наложен на три месяца, когда обыкновенно его сокращали до шести недель. Даже после поездки в Ганновер, Фридрих сумел убедить Головкина, что интересы России не пострадают от этого, и начал придумывать проект присоединения ее к лиге, к которой он сам временно примкнул. Так как вопрос о Шлезвиге, по-видимому, мешал осуществлению этой комбинации, то он храбро предложил Головкину взамен Шлезвига Курляндию...

– Но ведь Курляндия не ваша, государь...

– Не все ли равно. Лишь бы ее вырвать у Польши и Саксонии!

В основании всех этих переговоров между соседями северо-западной Европы уже чувствовался польский вопрос. И таким образом, когда в июле 1726 г. Россия заставила Морица Саксонского убраться из Митава, Фридрих Вильгельм высказал свою благодарность, и 10 (21) августа следующего года Мордефельд подписал в Петербурге конвенцию, которая, под видом возобновления древних связей с Россией, в сущности послужила началом новой политической системы.⁵¹ Речь шла опять о Польше; державы, подписавшие трактат, обязывались поддерживать там избрание после смерти Августа II, туземного кандидата. Конвенция была закончена 12 следующего октября в Вюстергаузене австро-прусским соглашением, и таким образом оказался связанным пучок, который должен был, несмотря на различные случайные превратности и перевороты, вызвать расстройство европейского равновесия через гибель турецкого могущества и уничтожение польской самостоятельности.

Я уже имел случай высказаться о значении, даже чисто политическом, этого первого *тройственного* союза. Я остаюсь при своем мнении, что Россия могла отнестись к Польше иначе, чем присоединять в Польше к своим целям немецкие домогательства. Но Петр во что бы то ни стало стремился впутать свою страну в игру европейских комбинаций; он желал, чтобы его дипломатия фигурировала повсюду и отзывалась на весь европейский дипломатический перезвон континента, хотя бы ей приходилось в критические минуты опрокиды-

⁴⁹ Соловьев. История России. Гл. XIX.

⁵⁰ Густав барон фон Мардефельд служил представителем Пруссии до 1728 г., когда его преемником стал его племянник Аксель Мардефельд, остававшийся на этом посту до 1746 г.

⁵¹ Droysen. Geschichte der preussischen Politik.

вать карточный стол, толкая играющих. И в этом отношении великий человек тоже оставил наследие своим преемникам, и чтобы продолжать партию, не рискуя, у них не хватило ни высокомерной решимости, ни его смелости, ни счастья...

И однако, несмотря на их несостоятельность, Россия – этого нельзя отрицать – осталась в выигрыше, благодаря сцеплению благоприятных обстоятельств, где многие склонны увидеть или вмешательство какого-либо светлого Провидения, или какого-либо мрачного рока; но легко проследить влияние причин совершенно естественных: несомненное могущество национального инстинкта, несоизмеримые взрывы сил, накопившихся в огромной империи и вытекающие отсюда попытки вступить на путь, где, за отсутствием такого высшего решения, которое, быть может, пришло бы в голову великому человеку, жизненные задачи, оставленные им преемникам, решились, если и не вполне, то во всяком случае без ущерба для себя.

Польские читатели должны постараться понять меня: я говорю здесь как историк, и отказался бы от своей задачи, если бы поймал себя на том, что позволяю говорить своим личным симпатиям. В мою задачу не входит высказываться за или против раздела Польши, но я должен осветить задатки превосходства, позволявшие России, производя этот раздел, покорить себе, конечно, меньше, чем она должна была и на что претендовала, из славянских земель, но занять, однако, в северной Европе положение завидное. Непосредственные преемники Петра не всегда и не везде умели воспользоваться этими задатками в общей их грозной сложности; но они не погубили ни одного из них. Напротив – особенно за пределами России – они сохранили и даже улучшили в некоторых отношениях положения, приобретенные до них. Каким разом? С помощью каких таинственных сил, заместивших такой очевидный недостаток, ресурсов и способностей? Я не сумею лучше ответить на вопрос, как, вдавшись в некоторые подробности этого курляндского дела, ядовито названного Лефортом «бабьей войной» и составляющего самое большое дело царствования, мало способного предпринять что-либо более значительное. Пружины, направлявшие иностранную политику Екатерины I, обнаруживаются в этом деле вполне ясно, а читатель будет в выигрыше еще тем, что познакомится с некоторыми из главных действующих лиц, призванных к участию в новых драмах, сценой которых суждено было в скором времени стать Петербургу и Москве.

Глава 3

Бабья война. Мориц Саксонский

I. Курляндское наследство. – Происхождение кандидатуры Морица Саксонского. – Проект брака с Анной Иоанновной и Елизаветой Петровной. – Мориц в Польше. – Его успехи у варшавских дам. – Август II поддерживает его. – Оппозиция польской знати. – Перемена в отношениях короля. – Тайный отъезд Морица в Митаву. – Он увлекает Анну Иоанновну и приобретает расположение курляндцев. – Его избрание. – II. Борьба парий в Петербурге. – Юбки за Морица. – Кандидатура Меншикова. – Его прибытие в Митаву. – Свидание с Морицом. – Ложные слухи. – Мориц выходит победителем. – III. Проект договора в его пользу между Августом II и Россией. – Неудача. – Польский сейм высказывается против курляндского избранника. – Изгнание. – Новые планы брака и любовные похождения Морица. – Герцогиня курляндская на его стороне. – Двойное вмешательство России и Польши. – Бегство Морица. – IV. Он возобновляет переговоры. – Шансы на успех у Елизаветы. – Окончательное разочарование. – V. Эпилог. – Десять лет спустя. – Снова проснувшиеся иллюзии. – Коронация Елизаветы в Москве. – Приглашение туда Морица. – Многообещающий прием. – Роман обрывается. – Судьбы Курляндии и России.

I

Курляндское герцогство было ленным владением Польши, почившим в XVI веке, при последнем гроссмейстере тевтонского ордена, Готтхард фон Кеттлере, устройство наследственного княжества под протекторатом Республики. В 1698 г. один из потомков Кеттлера, Фридрих Казимир, умер, оставив вдову урожденную прусскую принцессу, и шестилетнего сына, Фридриха Вильгельма, опекуном которого состоял его дядя, Фердинанд. В 1709 г. наследник вступил на престол при содействии Петра Великого и умер в следующем году, как уже упомянуто выше сделавшись мужем Анны Иоанновны. Наследником оказался Фердинанд; но старый, весь поглощенный набожностью, вечно ссорившийся с курляндскими чинами или с Польшей, герцог остался в Данциге, предоставив митавский дворец Анне Иоанновне, а правление кому угодно было бы, или кому удалось бы захватить его. Король польский, курляндские чины и Россия – ожесточенно оспаривали его друг у друга. Россия приобрела наибольшее влияние, благодаря Бестужеву, назначенному Петром состоять гофмейстером при Анне Иоанновне. Он сделался любовником Анны, в ожидании Бирона, и как мог, помогал ей в управлении несчастными курляндцами. Что же касается поляков, всегда готовых выпустить добычу за ее тень, то они усчитывали главным образом будущее, мечтая о полном присоединении, предлог к которому им могла дать смерть Фердинанда.⁵²

Подобное разрешение вопроса не могло нравиться ни России, ни Пруссии, ни даже королю польскому, втайне мечтавшему о герцогстве для одного из своих сыновей. Самым действительным средством для избежания такого исхода было вторичное замужество Анны Иоанновны и, ввиду ее полного на то согласия, стали один за другим являться различные претенденты на ее руку. В декабре 1717 г. Петр даже подписал с саксонским двором договор, где обещал руку принцессы и непринадлежащее ей наследие герцогу Иоанну Адольфу Саксен-Вейсенфельскому.⁵³ Когда этот план расстроился, Берлин предложил в 1722 г. принца Карла Прусского. Затем наступил черед принца Карла Александра Вюртенбергского, кото-

⁵² Szujski. История Польши.

⁵³ Cruse. Curland unter den Herzogen.

рый уже за два года до того старался привлечь на свою сторону русского посланника в Вене, подарив ему драгоценный перстень. Этим посланником был не кто иной, как Ягужинский и принц не мог сделать более неудачного выбора. Постоянно соперничавший с Меншиковым и вытесненный им, авантюрист в минуты откровенности за чаркою вина, сам признавался, что Россия ему надоела; он мечтал поселиться в Польше и стремился укрепить свои связи с Варшавой и Дрезденом⁵⁴ Ягужинский принял перстень, но не исполнил поручения. Затем фигурировал еще один из принцев Гесен-Гомбургских, вызванный Петром в 1723 г. в Петербург с намерением убедиться, не окажется ли он подходящим для одной из его племянниц, и, наконец, владетельный князь Ангальт-Цербтский, Иоанн-Фридрих.

Мысль о кандидатуре Морица, по-видимому, зародилась в плодотворном воображении саксонского поверенного в Петербурге, Лефорта, и всплыла на свет Божий в 1725 г., по смерти Петра I, когда, видимо, открылось более широкое поле для всякого рода интриг. Незаконному сыну Августа II и красавицы Авроры фон Кёнигсмарк в то время исполнилось двадцать девять лет, и он пользовался репутацией самого блестящего и легкомысленного офицера. Ведя в Париже рассеянную жизнь, предаваясь безумной игре в карты, он, однако, сумел получить немецкий пехотный полк, находившийся на службе Франции, и по тому, как он им командовал, не трудно было предвидеть будущего полководца. Во время пребывания Анны Иоанновны в Петербурге, в сентябре 1725 г., одна из ее приближенных, по поручению Лефорта, заговорила с ней о прекрасном кавалере, чьи галантные похождения шумели от Парижа до Варшавы. Не требовалось большого труда, чтобы возбудить воображение, жаждавшее пищи. Мориц, предупрежденный, тоже не колебался ни минуты и, вырвавшись из объятий Адриенны Лекуврер, поспешно направился в Польшу. Он уже раз был женат по расчету на Виктории фон Лёбен, и, запутавшись окончательно в долгах, после громкого развода давно мечтал о богатой невесте.

В Варшаве его встретила депутация курляндского дворянства, по-видимому уже получившего приказ от вдовствующей герцогини, и предложила ему без всяких замедлений корону. Но в Петербурге Лефорт неожиданно изменил свое намерение. Как раз в это время приближенные Екатерины были заняты приисканием жениха для Елизаветы, и изобретательного дипломата осенила мысль заменить некрасивую дочь Иоанна прекрасной дочерью Петра. Он поспешил послать Морицу ее портрет, сопровождая его соблазнительными комментариями: «Хорошо сложенная, прекрасного среднего роста, круглолицая и очень хорошенькая, с искрящимися глазками, прелестным цветом лица и красивой шеей». Он клянется что, она так же, как и сестра ее, «без ума от него» и ждет его, «сгорая нетерпением» и, предвосхитив мысль m-me де Сталь, уверял, что «желания русской женщины достаточно, чтобы взорвать город».

Очутившись таким образом между двумя невестами, соблазнительными каждая в своем роде, юный герой сначала колебался в выборе. Елизавета была привлекательнее, зато Анне принадлежала Митава. Наконец, он решил, что всего надежнее там укорениться с помощью герцогини, чем впоследствии возвращаться. И его стратегически глаз указал ему, что базой задуманного предприятия должна скорее служить Варшава, нежели Петербург, и первые шаги доказали справедливость его предположения.

В апреле 1725 г. совет саксонских министров решил, что Морица следует назначить коадьютором старого герцога курляндского. Факт этот, отрицаемый впоследствии графом Флеммингом, первым министром Августа II, достоверен. Король пошел еще дальше, решая декретом созыв курляндского сейма, где должно было произойти это избрание. Что касается согласия России, то Мориц, основываясь на уверениях Лефорта, не сомневался, что добьется его, прибыв в Петербург под каким-нибудь предлогом, придуманным для него

⁵⁴ Weber. Moritz, Graf von Sachsen.

матерью. Последняя уже несколько лет имела со столицей на берегах Невы сношения по поводу поместий в Эстляндии, приходившихся ей по наследству от брата. В начале все, казалось, шло как нельзя лучше. Один из курляндских депутатов, состоявший в то же время комиссаром при польской армии в Ливонии и, по приказу командующего войсками поддерживавший сношения между Варшавой и Митавой, ручался за благожелательное настроение своих соотечественников. Даже сам ливонский гетман Потей, под влиянием жены, предлагал свои услуги, чтобы поддержать кандидатуру всей силой своего влияния. «Его натолкнули на это дело, как Адама на грех», говорил о нем Флемминг. Жена королевского великого маршала, Биелинская, побочная сестра Морица, естественно проявила столь же большое усердие. «Она уступила графу свои сервизы и даже графа д'Астеля для некоторого надзора за ними», писал майор Глазенкамп, спутник будущего герцога.⁵⁵ Даже недостатка в деньгах не было у этого баловня судьбы. Правда г-жа Кёнигсмарк напрасно добивалась от короля, чтобы он выкупил три больших жемчужины, весивших каждая до двухсот гран и заложенных за семь тысяч у одного ювелира. Больше ей нечем было поделиться с сыном! Август, уже выкупивший их однажды, пообещал, но не сдержал слова.⁵⁶ Тогда Адриенна Лекуврер продала часть своих драгоценностей и прислала сорок тысяч ливров. Жена Потей тоже позаимствовала из мужниной шкатулки, и Мориц устроился вполне прилично.

Он уже собирался в путь, когда отцом неожиданно овладели сомнения и тревога, вполне понятные при настроении умов, царившем в Варшаве. Легко себе представить, что, раз в дело вмешались г-жи Потей и Биелинская, оно получило широкую огласку и вызвало всеобщее возбуждение и единодушное негодование. Итак, не удовольствовавшись тем, что породнил своих незаконных дочерей со знатнейшими фамилиями страны, Август собирался теперь оделять своих побочных сыновей благами, составлявшими народное достояние! Поднялся крик и шум. Коронный канцлер Гимбек, отказавшийся приложить печать к указу о созыве сейма, заговорил суровым языком; все саксонские министры единогласно советовали своему монарху отказаться от задуманного намерения, и 21-го мая 1726 г. в день, назначенный для отъезда Морица, перед ним предстал граф фон Мантейфель, со смущенным видом давший ему понять, что король желает, чтобы сын его оставался в Варшаве.

Уже одетый и вполне собравшийся в путь граф дожидался только рекомендательного письма, обещанного ему отцом к русской императрице.

— Это приказ? — спросил он.

— Кажется, да.

— Я не желал бы послушаться короля; но, если я не поеду, все пропало.

Мантейфель понял, что молодой человек решился идти напролом и поспешил предупредить о том короля, но тот уже удалился в спальню и не мог его принять. Русские историки склонны думать, что в этот день Август умышленно ускорил час своего отхода ко сну, и, возможно, что они правы. Мориц действительно уехал в ту же ночь, простившись предварительно с некоторыми дамами и объявив им, что его «нелегко будет догнать». Потей дал ему конвой из ливонских драгун.

В это самое время Кампредон, покидая Россию, находился проездом в Митаве и там узнал о прибытии графа. Ему сообщили, «что Мориц остановился в доме барона Бера, расположенном по соседству с тем, где герцогиня Курляндская проводила лето; что он уже два раза посещал герцогиню и его женитьба, также как и избрание, не подлежат сомнению.

Действительно, Мориц не терял времени. Отказавшись в настоящее время от Петербурга, он решил покончить дело с Курляндией. При помощи денег Адриенны Лекуврер и г-жи Потей он образовал милицию; своими воинственными манерами он очаровал мест-

⁵⁵ 1 июня 1726 г. Дрезденский архив.

⁵⁶ Weber.

ное дворянство, в то время как его галантное обращение и красивая наружность заставляли таять от восторга толстую Анну. 1 июля со своим геройственным презрением к орфографии, составляющим неотъемлемую принадлежность его легендарной личности, он мог написать графу фон Фризен, тоже бывшему жениху m-lle Лёбен и женившемуся впоследствии на графине фон Козель, незаконной дочери Августа: «Я вас слишком люблю, дорогой граф, чтобы не поделиться с вами всеми своими новостями. Я избран наследным герцогом Курляндским, и мне поручено управление, пока герцог Фердинанд получит уведомление от короля».

II

Он воображал, что в Петербурге, как и в Варшаве, примирятся с совершившимся фактом. Между тем, происшедшие тем временем события вовсе не носили успокоительного характера. Под давлением негодующей польской шляхты, Август, которого сын непочтительно прозвал «королем на картинке» должен был послать ему вслед цехановского старосту, Наквасского, с новым приказом, возбранявшим созыв сейма. Курляндцы, «такие же вспыльчивые, как французы», по уверенно Морица, собирались бросить в реку королевского посла, но затем их пыл выразился только демонстрациями. «Они открывали свои сердца избранному им монарху, но не кошельки», выразился один немецкий историк.⁵⁷ Обратившемуся впоследствии к их преданности, чтобы оставить себе охрану, Морицу не удалось набрать и ста человек. В Петербурге дело приняло еще худший оборот. Влюбленная Анна поспешила написать Меншикову и Остерману, прося разрешения выйти замуж за графа.⁵⁸ В маленьком женском кружке, который Лефорт сумел привлечь на сторону своего любимца, началось бурное ликование. «Наши друзья и в особенности женщины», писал саксонский доверенный, «просто в восторге... Если он (Мориц) не прибудет скоро, то я предчувствую, что они сами бросятся ему навстречу. Столько тысяч червонцев, сколько наш герой совершит подвигов Актэя, меня весьма устраивали бы». Но 16 мая 1726 г. Верховный Совет решил иначе, остановив свой выбор на епископе Любекском, Карле-Августе Голштинском, родственнике супруга Анны Петровны, как на подходящем кандидате на курляндский престол, и поэтому

⁵⁷ Förster. Fridrich-August II; Weber.

⁵⁸ Письма русских государей. IV. 1727 июня 13. Письмо Герцогини Курляндской Анны Ивановны к князю А. Д. Меншикову об оставлении при ней Петра Бестужева. Светлейший Князь! Вчерашнего числа чрез нарошного я себя моим писмом ваше(й) светлости рекомендовала в протекцию, и при том просила, чтоб ваша светлость изволили доложить Его Императорскому Величеству, чтоб Петра Бестужева от меня не брать; и он Бестужев не хотел более здесь мешкать, пока я вашей светлости ответ получу, и по указу Его Императорского Величества зафтре едет в Петербург: каторав с покорностию рекомендую в высокую вашей светлости милосты и с покорностию прошу вашу светлость показать ко мне милость и доложить Его Императорскому Величеству, чтоб повелел его Бестужева ко мне отпустить, понеже мой двор и деревни смотреть без него некому. За что вашей светлости наградит всемогущи(й) Бог, и я, доколе жива, буду Бога молить и весьма надежна, что ваша светлость, по прошению моему, ко мне милость показать изволите. А ежели ваша светлость повелите мне здесь служить, я от сердца готова и все по воли вашей светлости без всякова сумнения или другой мысли поступать буду, что вашей светлости угодно будет. В сем свидетельствуюсь самим Богом, что я во всепослушности себя предала во волю и протекцию вашей светлости, в надежде вашей светлости высокой милости ко мне, вашей светлости верная и ко услугам должная, Анна. 1727 сентября 30. Письмо Герцогини Курляндской Анны Ивановны к вице-канцлеру А. И. Остерману, поздравительное с получением графского достоинства, и с просьбой об отпуске к ней Петра Бестужева. Андрей Иванович! Его Императорское Величество блаженно и вечно-достойный памяти Государь мой дядя определил мне обор-гофместером Петра Бестужева для управления двора и деревень моих, и (он) был до сего времени, которого я поступками и управлением весьма довольна. А в прошлом и нынешнем году князь Меншиков делал мне многие обиды, о чем чаю вашему сиятельству небезызвесно, и его Петра Бестужева, досаждал мне, ныне велел позвать бес всякова дела в Питербурх; а я без него не могу другому двор и деревни верить. И ныне пришло без него все в великий не порядок и комфузию и убытки, понеж он все знает; того ради всепокорно прошу вашего сиятельства показать ко мне любовь и милость и ево Петра Бестужева ко мне возпомоществовать по прежнему отправить, чем меня бесконечно к службе вашей и фамиль(и) вашей одолжить изволите, за что и я вашему сиятельству отслужить готова. Прошу покорно сотворить ко мне милость в моем прошении; и я на вас в крепкой надежде остаюсь и себя рекомендую вашего сиятельства в неотменную протекцию, и пребываю с моим почтением вашего сиятельства готовая к услугам, Анна.

Бестужев должен был заранее протестовать против избрания Морица. Правда Меншиков не принимал участия и относился неприязненно к этому решению; но герцогу Саксонскому было не много пользы от оснований, каким руководствовался временщик. Чувствуя потерю своего влияния, благодаря могущественным проискам, Меншиков подумывал об том, чтобы удалиться от двора, и втихомолку, с помощью генерала Роппа, курляндца, состоявшего на службе у России, работал над созданием себе партии в герцогстве. Его планы, которым он сумел снискать одобрение Екатерины, внезапно обнаружились в июне, когда Императрица выступила в Совете с заявлением, что она изменила свое решение и предполагает предложить курляндским избирателям самого Меншикова, получившего приказ немедленно отправляться в Митаву в сопровождении Василия Лукича Долгорукова, дипломата петровской школы, исполнявшего всегда трудные поручения. В случае если курляндцы его не пожелают, им будет предоставлен выбор между сыном епископа Любекского и одним из принцев Гессен-Гомбургских, состоявших на русской службе.

Поэтому при открытии сейма кандидатура Меншикова была открыто выставлена одним из депутатов, долго распространявшимся о ресурсах, каким обладал этот кандидат для поддержания своих притязаний, а также для защиты своих интересов и интересов Курляндии против всякого рода врагов, Мориц взял верх, но со стороны Петербурга в особенности положение вещей продолжало оставаться весьма угрожающим. Вскоре в Митаву стали прибывать курьеры, возвещая о прибытии устраненного кандидата и о вступлении в пределы Курляндии двенадцати тысяч русских. 8 июля в Митаву прибыл Долгорукий и выразил председателю сейма неудовольствие государыни. Она не признавала постановления сейма, неправильно собранного, без разрешения короля Польского и требовала созыва нового сейма.

– Но король Польский не разрешит его снова!

– Это уже дело императрицы.

Меншиков дожидался в Риге результатов этих переговоров. Анна поспешила к нему, со слезами на глазах умоляя вступить за Морица. Временщик был неумолим. Россия не желала такого герцога, а царевна не могла выйти замуж за незаконного сына. 10 июля Меншиков съехался с Долгоруким в Митаве и ночью приказал русским войскам занять город. На следующий день произошло знаменитое свидание двух соперников, породившее фантастические рассказы. Подробности его до сих пор покрыты тайной. Вначале весьма бурное, оно затем, по-видимому, приняло мирный оборот. Грубый вопрос Меншикова: «Кто ваши родители?» и ответ сына Авроры Кёнигсмарк: «А кто были ваши?» передаются графом Рабутином, находившемся в это время в постоянной переписке с Морицом, и овладевшим подробными сведениями о событиях, разыгравшихся в Митаве в июне и июле месяцев.⁵⁹ Мориц, наоборот, никогда не обмолвился ни словом о вызове, будто бы сделанном им Меншикову, разрешить немедленно спор любым, выбранным им оружием. Когда Меншиков заговорил о том, что с палкой в руках докажет курляндцам, что он тут хозяин, будущий победитель при Фонтенуа, «чтобы лично на себе не получить такого доказательства», решился на поступок, не столь героический, если верить ему на слово, что всего правдоподобнее, и предложил поединок на сто тысяч рублей. Тот из двух, кому удастся остаться герцогом Курляндским и добиться на то согласия короля Польского, уплатит сопернику требуемую сумму. Тогда разговор сразу перешел в дружелюбный тон, Меншиков согласился на предложение и наивно попросил рекомендательного письма к королю. Просьба эта показалась Морицу настолько забавной, что он ее немедленно исполнил. Копия письма сохранилась, Меншиков впоследствии предъявлял оригинал, как доказательство акта отречения. Действительно, там находится следующая двусмысленная фраза: «Он (Меншиков) желает, государь, чтобы я защи-

⁵⁹ Дрезденский архив. Дела Курляндии. Переписка и документы.

щал перед Вами его интересы, и так как я стремлюсь доказать ему, насколько близко они меня касаются, то умоляю Ваше Величество уделить им особое внимание».

Какой бы вывод не истекал из такого странного разрешения столь важного спора, он все-таки противоречит остальным драматическим эпизодам, приписываемым борьбе двух противников. А Нейль вслед за д'Алансоном, де ла Бар-Дюпарком, вслед за бароном д'Эспаньяк рассказывают об осаде, выдержанной Морицом против меншиковских драгун при помощи специального караула Анны Иоанновны. Даже сам Герман⁶⁰ повторяет эту басню, припутывая сюда еще дочь митавского горожанина, оказавшуюся в эту критическую минуту около Морица и помогшую ему спастись целым и невредимым. Смущение, слезы, переодевание в платье красавца офицера, бегство в окно, радость осаждающих, схвативших беглянку, думая задержать в ней самого героя, гнев, затем жалость со стороны предводителя нападающих, который оставляет при себе пленницу и, наконец, женится на ней, все это, вероятно, чистейшие выдумки в рассказе и приключении, о котором Мориц наверное не преминул бы сообщить друзьям, если бы принимал в нем участие. Но он передает им только, что ожидал осады в ночь с 11 на 12 июля и потому держался со своими спутниками насто-роже, коротая время за пирушкой и игрой в карты. Но ничто не потревожило эту бессонную, не слишком весело проведенную ночь, и на следующий день Меншиков покинул Митаву с *tanto di naso*, – с носом – как писал Мориц графу Фризену, нарисовав длинный нос сбоку своего письма: «Мое положение, добавляет он, день ото дня становится все рискованнее; мне на это наплевать».

В распоряжения временщика в это время находилось всего несколько сот драгун – сила, которую он благоразумным образом считал недостаточной, чтобы затевать борьбу с таким, по-видимому, решительным человеком, как его соперник. Он обрушился на курляндцев, угрожая сослать в Сибирь председателя сейма, канцлера и дюжину депутатов и обещая вернуться с двадцатью тысячами солдат, если они не соберут сейма в десятидневный срок и не остановят своего выбора на нем. Он настоятельно приступил к одному из секретарей. Бестужеву приказал печатать все бумаги Анны Иоанновны и наказал кнутом некоторых из ее слуг. Но, видя, что, несмотря на все угрозы и дерзости Мориц, по-видимому, не думает сдаваться, Меншиков удалился в Петербург, куда за ним последовала герцогиня Курляндская, принося свои сетования и мольбы. Курляндцы начали жаловаться со своей стороны. Польша выразила так же протест; даже сам Верховный совет нашел, что Меншиков зашел слишком далеко; в августе Бестужев получил уведомление, что императрица отказалась от мысли провести избрание временщика, но что ему предстоит выдвинуть других русских кандидатов. В случае же, если король польский их не одобрит, предоставить выбор самим курляндцам, за исключением лишь Морица. Несмотря на это, последний не желал уступать занятого положения в ожидании новой грозы, налетавшей на этот раз со стороны Польши.

III

В С.-Петербурге к концу года его шансы как будто улучшились. Кроме Лефорта у него оказался там новый защитник, не столь изобретательный, но более сдержанный и ловкий – французский полковник де Фонтеней, втихомолку подготавливавший комбинацию, способную согласовать интересы большинства, если не всех существовавших соперников. Теперь она может показаться довольно фантастичной, но в октябре 1726 г. Маньян, уполномоченный агента Франции, оставленный в Петербурге Кампредоном, находил ее вполне возможной. Петр настолько расширил границы действительности и возможности, что его приемники в них запутывались. Дело шло не более не менее, как о разделе Ливонии между Потеем,

⁶⁰ Geschichte d. R. S.

Меншиковым и графом Саксонским, который округлил бы таким образом свои Курляндские владения. Август отнесся к такому соглашению благосклонно, как отец, но не как король Польши, слишком ясно понимая его выгодность, чтобы ему противиться.⁶¹ Известно, что вообще он ничего не имел против сделок, касавшихся нераздельности территории Польши.

Но Лефорт со своей стороны упорно настаивал на мысли заменить Анну Елизаветой и таким образом препятствовал хлопотам влюбленной герцогини. Он сообщал воспитательнице прелестной царевны самые подробные сведения «об всех достоинствах Курляндского избранника, до самых секретных включительно». Екатерина не знала больше, кого слушать, Меншиков как будто соглашался с планами Фонтенея, сам Мориц склонялся на убеждения получить Елизавету и Курляндию, посредством договора заключенного между императрицей и королем Польши, причем должна была поплатиться последняя. «Дело было покончено», писал он позднее, описывая неудачу, постигшую его надежды: «Курьера, прибывшего ко мне из Петербурга, я отправил к королю, принявшему его в Белостоке, у Браницкой. Выпили за такую хорошую весть и король, всегда рекомендуемый другим молчание, был так добр, что сообщил о ней нескладной дылде обезьянх (жене королевского штандарт-юнкера), разболтавшей об этом всем, кому было не лень слушать. Ему напомнили о конфедерации, и он испугался. Дальнейшее вам известно».

Возможно, что всегда легко поддававшийся надеждам наш пылкий герой преувеличивал бывшие у него шансы на успех, и дела вовсе не обстояли так блестяще, по крайней мере, в Петербурге. Но неуместная болтливость Августа правдоподобна, так как достоверно обнаружена интрига именно в это время, а также и те последствия, на которые намекает Мориц. 11-го октября 1726 г. саксонские министры приняли решение не поддерживать далее затею, грозившую вызвать возмущение во всей Польше. Напрасно жена Потя уговаривала по-французски Флемминга, в то время как муж ее убеждал его по-латыни. Уступая настояниям польского сейма, собравшегося в Гродно в сентябре 1726 г. король подписал декрет, призывавший Морица обратно, а 9-го ноября, сейм, который напрасно старался сорвать представитель России, Ягужинский,⁶² провозгласил присоединение Курляндии к Польше, после смерти Фердинанда, отвергая избрание графа Саксонского, объявляя его врагом страны и назначая комиссию для рассмотрения текущих дел. Был поднят даже вопрос об отправке депутации к посланнику Франции с требованием отнять у отверженца полк, как у человека публично опозоренного».

А Мориц все еще не соглашался покинуть Митаву. Без денег, проводя почти весь день в постели, по свидетельству Кронхельма, шведского дворянина, приставленного к нему матерью, слушая чтение Дон Кихота, он ждал, пока судьба ему улыбнется снова. И он отчасти был прав. Постановления Гродненского сейма, возбудив подозрительность России и Пруссии, создавали для графа Саксонского новые шансы на успех. В конце 1726 г. из Петербурга был прислан в Митаву Девьер, чтобы на месте ознакомиться с положением дел. Он виделся с Морицом и не упоминал более об его отречении. Девьер докладывал императрице, что несколько раз, у графа, при ее имени, навертывались слезы на глазах, и Екатерина, все еще занятая этой бабьей войной, была, по-видимому, растрогана. Новые инструкции предписывали Девьеру представить дела их естественному течению. В январе неутомимый Лефорт придумал новую комбинацию. Анна Иоанновна была в ссоре с Меншиковым, Елизавета замешена в последних переговорах с Августом; прося руки Софии Скавронской, которая с удовольствием променяла бы польского принца на владетельного герцога, Мориц мог наверняка рассчитывать задеть государыню за ее самое чувствительное место и таким образом добиться исполнения своей мечты.

⁶¹ Деша Маньяна от 18 марта 1727. Архив французского Министерства иностранных дел – Россия.

⁶² Соловьев. История России.

Но Мориц с негодованием отвергнул предложение. Он скорее соглашался остановиться на толстой «*Nap*», как Лефорт фамильярно называл герцогиню Курляндскую. Но месяц спустя он не удержался, чтобы не испортить своих преимуществ и с этой стороны. По крайней мере происшествие, которое его биографы относят к этому времени, кажется правдоподобным, как ввиду обстоятельств, так и ввиду характера самого героя. Анна отвела ему апартаменты у себя во дворце, и здесь ему случалось принимать самую очаровательную из фрейлин герцогини. Однажды ночью, провожая красавицу, заслушавшуюся его речей до позднего часа, и неся ее на руках по случаю глубокого снега, покрывавшего дворцовый двор, он столкнулся по дороге со старухой, державшей фонарь. Той показалось, что перед ней привидение о двух головах, и она принялась кричать благим матом. Намереваясь пинком ноги потушить выроненный ею из рук фонарь, Мориц поскользнулся и упал со своей ношей на злополучную старуху, принявшуюся кричать еще громче, так что произошел переполох, и Анна узнала, по картинному выражению Карлейля, что ее жених «не любит вестфальской ветчины в таком виде» или по крайней мере должен от нее отдохнуть за других лакомых кусочках.⁶³ Герцогиня немедленно послала в Петербург извещение о своем гневе и разочаровании, и вскоре Мориц был уведомлен Лефортом, что его дела принимают скверный оборот. Однако в то же время (в феврале 1727 г.) курляндский сейм подтвердил свой первоначальный выбор, и Мориц мог себя поздравить, что справился с этим чудовищем многоголовым, многоротым, без ушей и без рук, и барону Медему поручено было его соотечественниками отправиться в Варшаву и там заставить признать их выбор. Но поляки приготовились к отпору, и посол был остановлен в пути. В апреле 1727 г. Мориц отправился в Дрезден в сопровождении двух слуг, затем в Париж, в поисках за деньгами и поддержкой. Переговоры о займе в Англии не привели к желанному результату; но, наконец, парижский еврей Леман согласился ссудить Морицу 20000 экю, тогда он снова вернулся в Саксонию, но так как отец отказался от всяких переговоров о Курляндии, то он тайно покинул Дрезден, чтобы через Польшу добраться до Митавы, и дорогой узнал о смерти Екатерины, лишившей его последней надежды на успех.⁶⁴

Меншиков снова сделался всемогущим. В Митаве Мориц застал генерала Леси, командовавшего двумя русскими пехотными полками и двумя полками кавалерии и предложившего ему удалиться, «если он не желает отправиться в места отдаленные». Граф засел на острове Усмайтен, до сих пор сохранившем название *Moritz Holm*, и пытался вступить в переговоры. Но с ним было не более трехсот человек – рекрутов, привезенных по большей части морем из Нидерландов; Леси не желал ничего слушать, и 18 августа, сверженный герцог решился отступить, переплыв озеро на рыбацкой лодке и добравшись до ближайшей гавани, между тем как его маленькое войско сдалось с оружием и обозом. Русские обращались с пленниками хорошо, затем передали их полякам, оставившим солдат у себя на службе и отпустившим домой офицеров. Гардероб Морица был ему возвращен благодаря подарку, предложенному польскому комиссару, Красинскому. Его лакею, Бовэ, удалось спасти в шкапулочке документ об избрании. Но серебряная посуда г-жи Биелинской исчезла во время разгрома.

Укрывшись в Данциге, Мориц все-таки еще не считал свое дело проигранным. Требуя от Леси свои вещи и уверяя, что их забрали на 74 960 экю, он поручил русскому генералу передать самому Меншикову свои условия возможного соглашения: 40000 экю за отказ временщика от его притязания на Курляндию. Но гонец прибыл в Петербург как раз во время

⁶³ Carlyle. Story of Frederic the Great. Сходство принцессы с вестфальской ветчиной поразило английского историка ср. «Историю Морица Саксонского».

⁶⁴ Weber. Geschichte.

катастрофы, окончательно сокрушившей могущество временщика,⁶⁵ а вслед за Леси появились в свою очередь польские комиссары с епископом Христофором Шембеком во главе, в сопровождении тысячи литовских драгун. Посреди неурядицы, вызванной в Петербурге смертью Екатерины, русский генерал, хотя и располагавший более значительными силами, не решился оказать сопротивление этим посланцам, на чьей стороне было право. Был созван новый курляндский сейм, и в декабре 1727 г. им были признаны постановления польского сейма в Гродно.

Но, очевидно, это было лишь временное разрешение вопроса, во всяком случае не нарушавшее отношение к нему России при помощи Анны, по-прежнему проживавшей в Митаве, и полков Леси, всегда готовых доказать свое превосходство в численности и дисциплине, у правительства С.-Петербурга оставалась неоспоримая возможность предъявить властные требования, и не могло быть сомнений, что это должно произойти в ближайшем будущем. Один Мориц не желал того понять, обнаруживая до конца упорство, сослужившее ему лучшую службу на других полях брани.

IV

В ноябре 1728 г. новый посланец, отправленный им в Петербург, Бакон, ходатайствовал за него, как за единственного человека, имевшего возможность помешать аннексии Курляндии Польшей. Управляя страной при поддержке России, Мориц считался бы ее вассалом, обязывался выплачивать ежегодно 40000 р. податей и содержать количество войск, нужное по ее усмотрению. Предложение Бакона было выслушано без особого внимания и, наконец, в январе 1728 г. ему был дан отрицательный ответ. Не одна Польша относилась враждебно к его планам. Они беспокоили также Австрию, намекавшую, что Мориц способен открыть Англии одну из курляндских гаваней. Но вслед за отъездом Бакона, Лефорт снова заволновался и начал слать в Дрезден послание за посланием, уверяя, что его отпустили лишь с целью, чтобы он привез, как можно скорее, Морица в Петербург. В высших сферах снова склонялись к мысли остановить на нем выбор в мужа для Елизаветы, которая выражала лишь желание посмотреть, «понравится ли ей товар». И сообщение это не лишено было некоторой доли правды. В то время, испанский посланник, герцог де Лирия, внимательно следивший за придворными интригами, также полагал, что у Морица не мало шансов на успех. Преемник Екатерины, Петр II, высказывал к тетке нежность, которая, снова выдвигая вперед прежние замыслы Остермана, многих сильно беспокоила. Олигархическая партия видела в том угрозу своим притязаниям и желанию держать под опекой юного императора. Новый австрийский министр, Вратислав, предвидел, что дочь Петра Великого, выйдя замуж за своего племянника, пожелает вернуть Россию к ее прежнему варварскому состоянию и воспрепятствует ее вмешательству в дела Европы, иначе говоря, выскажется против отправки тридцати тысяч солдат на помощь союзникам. И те, и другие мечтали лишь как бы удалить цесаревну из России, выдав ее замуж, и в Петербурге в это время происходило настоящее состязание женихов, в число которых попал даже сам старый, малопривлекательный герцог Фердинанд. Ему посоветовали лучше посвататься за толстую «*Nan*», что он не заставил себе повторять два раза. Но герцогиня отклонила его предложение, а в начале 1729 г. Елизавета объявила отказ всем. Петр II покинул ее, и она утешалась в его измене способами, приводившими в отчаяние самых неустрашимых из ее женихов. Даже сам Лефорт признавался, что поведение цесаревны отнимает у друзей графа Саксонского охоту добиваться для него союза с ней.⁶⁶

⁶⁵ Бантыш-Каменский. Дипломатические сношения.

⁶⁶ Письмо от 7 февраля 1729 г. Дрезденский архив. См. Saint-René Taillandier. Maurice de Saxe. См. Депеши Лирия,

На этот раз Мориц сдался и вернулся во Францию, где его ожидала столь блестящая будущность. Но все-таки он не мог позабыть ни Курляндии, ни Елизаветы, и я напому сейчас, чтобы не возвращаться более к этому вопросу, романический эпилог этой странной авантюры.

V

Прошло десять лет. Несколько властителей переменилось в Курляндии с тех пор, как на Российский престол вступила «толстая *Nan*», так долго терпевшая во всем неудачу и, по-видимому, столь мало предназначенная для такой судьбы. Темный проходимец занял в Митаве место, так страстно желанное Морицом. Казалось, с этой стороны был положен решительный конец его честолюбивым замыслам, когда в 1741 г. падение Бирона и восшествие на престол Елизаветы вызвали полный переворот, снова выдвинув вперед вопрос о злополучном герцогстве. И тотчас же Мориц, отдыхая от побед, вернулся к своим прежним заманчивым мечтам. 12 июля 1741 г. он писал из Парижа графу фон Брюль: «Я не питаю особенных иллюзий; но если бы вам удалось затянуть дело, может быть, судьба и всеобщая неурядица обратились бы в мою пользу. Мне нечего ожидать от России, а потому я ни чем не рискую».⁶⁷ Как в начале неудавшегося предприятия, он вообразил снова, что кратчайший путь в Митаву из Парижа идет через Варшаву. Но вскоре вести, доходившие из далекой Москвы, где Елизавета короновалась на царство, наметили перед ним иную дорогу и даже иную цель. Елизавета все еще не вышла замуж, и его теперешние сообщники, ла Шетарди, весьма предприимчивый посланник Франции, и Лесток, отважный интриган, оба, поддерживая деятельную переписку с графом Саксонским, старались ослепить его заманчивой перспективой. Он поддался соблазну. Победитель при Праге (1741 г.), победитель при Эгре (1742), Мориц получил отпуск, и в то время как французская армия покидала столицу Богемии, он углублялся в негостеприимные равнины России. 12-го июня 1742 г. он, наконец, представляется Елизавете, в тот же день пригласившей его танцевать с ней контрданс. Спустя два дня ла Шетарди дает большой обед в честь знатного путешественника. Императрица прибывает туда, возвращаясь с поездки верхом. На ней мужское платье, верный признак – с чем мы неоднократно встречаемся – ее желания пококетничать. Она обращается с Морицом по-товарищески, с очаровательной простотой, и очень поздно засиживается в его обществе. 18 июня происходит новая встреча у Воронцова на завтраке по-русски, длившемся девять часов. По окончании трапезы гости садятся на коней, чтобы сопровождать царицу, летящую галопом по иллюминированным улицам Москвы. Гроза заставляет веселую кавалькаду искать убежища в Кремле, где Елизавета сама показывает Морицу принадлежности коронования. Затем снова продолжают прогулку верхом, и императрица как будто невзначай обращается к Шетарди с предложением, не желает ли он угостить ее ужином. Посланник был о том предупрежден заранее. Подъехав к его дому около часа ночи, наездники увидели блестящую

«Ос്മнадцатый век» (изд. Бартеньева); Маньян, депеша от 30 декабря 1728 года. Архив французского Министерства иностранных дел – Россия. «В Москве все ропщут на образ жизни царя, вина в этом окружающих его. Любящие отечество приходят в отчаяние, видя, что государь каждое утро, едва одевшись, садится в сани и отправляется в подмосковную с князем Алексеем Долгоруким и остается там целый день. Мне хорошо известно, что одна из главнейших целей князя Алексея – заставить царя вести такую жизнь, состоит в том чтобы удалить его от принцессы Елизаветы. Настоящий фаворит не сопутствует государю, чтобы во время царских выездов наедине предаваться собственным удовольствиям и наслаждениям. Принцесса Елизавета делает то же и с такой ужасной публичностью, что доходит до бесстыдства. Нужно ждать, что не далеко время, когда с нею поступят как-нибудь решительно». И в другом месте: «Принцесса Елизавета по красоте физической – это чудо; грация ее неопишима; но она лжива, безнравственна и крайне честолюбива. Думают ее заключить в монастырь. В сходимости последнего она убеждает ежедневно своим дурным поведением, и, если впредь не будет вести себя лучше, все же кончит тем, что ее запрут в монастырь».

⁶⁷ Witzthum Moritz von Sachsen.

иллюминацию и фонтаны из белого и красного вина на площади для народа, собиравшегося толпами. Два стола на двадцать и тридцать кувертов, блестяще сервированные, ожидали гостей. Елизавета переделась – она промокла и, по словам саксонского посла Петцольда, «около шести часов утра, ее величество, затемняя солнце блеском своей красоты, удалилась в полном удовольствии».⁶⁸

Но завязавшийся роман тут круто обрывается, несмотря на свое заманчивое начало, так как Мориц убеждается, что для него нет другого места около императрицы, как во время таких веселых пикников. Он вскоре покидает Москву, а за ним следует и ла Шетарди.

Я остановился на этом эпизоде, потому что в его беглом обзоре удивительно ясно обрисовывается общий характер русской истории за вторую четверть восемнадцатого века. По-видимому, здесь царит полнейшая неурядица, прихоть и бурные столкновения личных честолюбий и страстей. В зависимости от успехов Морица и «влюбленностей» петербургских красавиц, судьба Курляндии становится, по-видимому, игрою случая и любви, вне всякой зависимости от политических интересов России. И все-таки только эти интересы берут постепенно верх надо всем. Мориц, Меншиков, Бирон исчезают друг за другом, оставляя за собой все усиливающуюся русскую гегемонию на берегах Балтики, все глубже пускающий корни протекторат в Митаве, и, когда наступит время, Екатерине II останется лишь протянуть руку, чтобы овладеть добычей, которую отдали в ее власть все эти соперники, сами того не ведая и не желая.

⁶⁸ Дешеша от 25-го июня 1742. Дрезденский архив; Дешеша ла Шетарди от того же числа. Архив французского Министерства иностранных дел – Россия.

Глава 4

Император забавляется. Петр II

I. Воспитание юного императора. – Многообещающее начало. – Любознательность и задатки великодушия. – Выбор воспитателя. – Остерман. – Водворение в доме Меншикова. – Ловкая политика временщика. – Он пытается примириться с Долгоруким и удаляет герцогов Голштинских. – Полное торжество. – II. Болезнь временщика. – Либеральные мероприятия Верховного Совета. – Освобождение Евдокии. – Новые веяния. – Сестра и тетка. – Наталья и Елизавета. – Соперник. – Иван Долгорукий. – Его семья возвращается к своим прежним чувствам. – Петр приобретает вкус к независимости и рассеянной жизни. – Увлечение охотой и утехами любви. – Участие в кутежах. – Мария Меншикова позабыта. – Выздоровевший временщик пытается изменить положение дел. – Столкновения. – Праздник в Ораниенбауме. – Немилость. – Изгнание Меншикова в Ораниенбург. – Разрыв помолвки. – III. Новое соперничество. – Борьба Остермана и Натальи Алексеевны против Долгоруких. – Отъезд в Москву. – Надежды Остермана на Евдокию. – Бабка и внук. – Разочарование. – Торжество Долгоруких. – Коронование. – Ссылка Меншикова в Сибирь. – Бердов. – Печальная участь семьи. – IV. Петр II продолжает развлекаться. – Тщетные старания заинтересовать его делами. – Его увлечение охотой и страсть к кутежам усиливаются. – Кровосмесительная любовь. – Эгерия, превратившаяся в вакханку. – Кочевая жизнь. – Новая привязанность. – Немилость Елизаветы. – Смерть Натальи. – V. Екатерина Долгорукая. – Романическое прошлое. – Искусное кокетство. – Бродячая жизнь. – Нет более правительства. – Горенки. – Разочарование и недоверие. – Ловушка.

I

Заглавие, данное мною этой книге, на первый взгляд совсем не подходит к новому двух-летнему периоду, к которому я теперь перехожу, так как в это время на престоле находилась не императрица, а император. Но, при более близком знакомстве, оно оказывается вполне соответствующим действительности. Женщины царили более чем когда-либо, и, если не всегда дела правления находились в руках фаворитов, то лишь потому, что иногда правительство отсутствовало совсем.

Преемнику Екатерины I исполнилось три года, когда умерла его мать, несчастная Шарлотта Вольфенбюттельская. Две женщины из простолюдин, необразованные и грубые – одна вдова портного, другая кабатчика, заступили около него ее место. Немец, по профессии учитель танцев, научил Петра читать и писать, и так как ему пришлось когда-то служить матросом, то пытался посвятить его в науку мореплавания. В 1719 г., по смерти отца, к ребенку были приставлены более серьезные воспитатели, русский – Маврин, и венгр – Зейкин,⁶⁹ но Петр I нисколько не интересовался его занятиями, по-прежнему весьма мало успешными. Когда Зейкин обратился к нему с просьбой присутствовать на экзамене своего ученика, царь с гневом прогнал его прочь.

Реакционная партия, сливавшая свои интересы и упование на будущее с судьбой царевича, с удовольствием глядела на такую заброшенность. К мысли восстановить посредством него естественный порядок престолонаследия, примешивалась, благодаря этому, надежда на возможный возврат к прежним национальным традициям, когда обходились без школ. Не менее заманчивая перспектива ограничения самодержавной власти, «чего легче достигнуть

⁶⁹ Его настоящей фамилии не удалось найти. Зейкин, – по-видимому, переделка венгерской фамилии на русский лад.

при государе невежественном», тоже дразнила воображение многих, и Петр II, при своем восшествии на престол, казался вполне созданным, чтобы оправдать все эти расчеты.

Ему минуло одиннадцать лет, и в нем не обнаруживалось, по-видимому, никакого сходства с дедом. С физической и моральной стороны он скорее напоминал свою мать. Нежная душа Шарлотты, казалось, отражалась в его больших глазах и приятном лице, а ее грация в стройной фигуре юного царя. Иностранные дипломаты единогласно восторгались его приветливостью, а народ приписывал ему великодушие, доброту и ум, позволявшие предвидеть в нем примерного государя. Из уст в уста передавалось его письмо, будто бы написанное сестре, где он давал обещание подражать императору Веспасиану, желавшему, чтобы никто не уходил от него с печальным лицом.⁷⁰

Относительно духовной стороны одиннадцатилетнего ребенка трудно сказать что-либо определенное. Она еще совершенно не обрисовалась. Возможно, что у сына Алексея были задатки всех качеств, какими его одаряли; задачей воспитания было их развить; но к несчастью труды Маврина и Зейкина были прерваны в самом начале, уступив место всевозможным увлечениям и всякого рода соблазнам и отравам неограниченной власти. Вначале ребенок действительно, покорно подчинился положению, созданному силой обстоятельств. Его приучили называть Меншикова «батюшкой»; он так и продолжал. Он даже согласился на то, чтобы его перевезли из императорского дворца, где временщик опасался, как бы юный государь не ускользнул каким-либо образом из-под его надзора. Под предлогом, что тело покойной императрицы должно там пребывать для поклонения несколько недель, будущий тесть поместил своего будущего зятя в собственном доме на Васильевском Острове. Он отпустил его двух наставников, считая их справедливо не удовлетворяющими требованиям, и доказал свою прозорливость, если не мудрую предусмотрительность относительно личных интересов, заместив их Остерманом. Возведенный уже в сан вице-канцлера и обнаружив на этом посту выдающиеся качества, хитрый вестфалец, чей дипломатический гений был призван Петром, выказал себя отличным педагогом. Расписание занятий, составленное им на немецком языке и изданное впоследствии в русском переводе будущим учителем Екатерины II, Ададуриным, выставляет его с этой стороны весьма в благоприятном свете. Уроки короткие и остроумно разнообразные, очень широкая система, отдающая предпочтение дружеским беседам между воспитанником и наставником, составляли основания избранного им метода преподавания.

Мальчик сперва пристрастился к ученью, а также и к учителю. Утром, встав с постели, он бежал прямо к нему в рубашке. И Меншиков вначале не мог нахвалиться юным императором. 12-го мая происходило блестящее празднество в доме на Васильевском острове, куда был приглашен двор приветствовать государя в занятых им апартаментах. Появившись на этом собрании, Петр II с решительным видом выступил вперед и сказал громким голосом: «Сегодня я хочу уничтожить фельдмаршала!» Общее смтение! Обыкновенно под этим именем подразумевали Меншикова. Но маленький император сейчас же дал понять милой улыбкой, осветившей его лицо, что смущение было напрасно. Важно он вынул из кармана и протянул своему будущему тестю грамоту, возводившую его в сан генералиссимуса. Меншиков напрасно добивался этой почести от Екатерины.

⁷⁰ Упоминание о Веспасиане встречается в речи, произнесенной юным императором при его первом появлении в Верховном Совете — где он, по плану Остермана, должен был присутствовать каждую среду и пятницу: «После того, как Бог изволил меня в малолетстве всей России императором учинить, наивящее мое старание будет, чтоб исполнить должность доброго императора, т. е. чтоб народ мне подданный с богобоязненностью и правосудием управлять; чтоб бедных защищать, обиженным помогать, обиженных и несправедливо отягощенных от себя не отгонять, но веселым лицом жалобы их выслушать и по похваленному императора Веспасиана примеру никого от себя печального не отпускать». Но в бумагах Остермана сохранилось письмо Петра II к сестре Наталье Алексеевне на латинском языке — по-видимому еще Зейкин выучил этому языку Петра II: он на нем переписывался и с Остерманом — по содержанию напоминающее вышеприведенную речь. — Примеч. перев.

22-го мая, после погребения императрицы, состоявшегося 16-го, члены Верховного Совета отправились к новому главнокомандующему с выражением своего одобрения по поводу желания, высказанного покойной в своем завещании относительно женитьбы Петра II на Марии Меншиковой. Через два дня помолвка была отпразднована с большим блеском; жених отличался приветливостью, отвечая поцелуями на целование руки и раздавая лично кубки с венгерским вином. Невеста одновременно получила титул императорского высочества, двор и содержание в тридцать четыре тысячи. Ее тетка Варвара Арсеньева, старая интриганка, злой гений семьи, назначенная гофмейстериней двора будущей императрицы также заставляла статс-дам целовать себе руку.⁷¹

Добравшись до вершины власти, Меншиков обнаружил большую ловкость. Сознавая необходимость в опоре для упрочения здания своих поразительных удач, он сумел найти ее среди той же знати, считавшей его позором и посрамлением в своей среде. Восшествие на престол Петра II, отчасти результат его стараний, уже примиряло его с Голицыными. Князя Алексея Григорьевича Долгорукого он назначил гофмейстером двора цесаревны Натальи Алексеевны и, кроме того, сделал его помощником воспитателя при Остермане. Сын князя, Иван, замешанный в деле Девьера и выключенный из гвардии, получил свой прежний чин, и Меншиков сделал его товарищем юного государя. Михаил Владимирович Долгорукий получил кресло в Сенате и брат его, Василий, настолько был этим тронут, что в письме к Меншикову называл его своим милостивым государем и отцом.⁷²

Во враждебном лагере оставалась только семья герцогов Голштинских, побежденных, но не смирившихся. После 19-го мая, со смертью жениха Елизаветы, умершего от оспы, их значение упало. Под предлогом опасения заразы, Меншиков заставил герцога с супругой выдержать карантин, при этом так щедро расточая уколы всякого рода, что в конце июля герцогская чета решила покинуть Россию. Временщик только этого и добивавшийся, выказал большую уступчивость, на свой лад, в деле улаживания политических и денежных претензий, предъявленных при отъезде дочерью Петра Великого и ее супругом. Впредь до разрешения вопроса относительно Шлезвига, согласно договору, заключенному по этому поводу между Швецией и императором, государство обязывалось выплачивать Голштинской герцогской чете сто тысяч флоринов. Из миллиона, обещанного герцогине, двести тысяч подлежало немедленной выплате, а остальные в течение восьми лет. Но временщик вычел в свою пользу шестьдесят тысяч рублей, выговоренных им за комиссию. Обладатель несметных богатств, постоянно увеличивавшихся благодаря его хищениям, он выказывал одновременно невероятную жадность и расточительность. Он еще вынудил у герцога письменное обязательство на двадцать тысяч рублей в виде подарка Бассевичу, из которых тот не получил ни гроша. 25-го июля 1727 г. Анна Петровна отплыла в Киль, где год спустя родился будущий супруг Екатерины II.

Успокоившись с этой стороны, Меншиков быстро освободился от остальных, менее значительных противников, отправив Шафирова в Архангельск, Ягужинского на Украину и заместив освободившиеся таким образом должности своими ставленниками. Императорский кабинет под управлением Макарова его смущал, так как приобрел чрезвычайную независимость при Екатерине I. Он его уничтожил за излишеством при несовершеннолетнем государе; Макарова назначил президентом финансовой коллегии и теперь чувствовал себя на вершине безграничной и беспредельной власти. Но в это самое время его постигла случайная неудача, ставшая для него роковой.

⁷¹ Михневич. Две невесты Петра II. Исторические очерки и рассказы.

⁷² За высокую вашу, моего государя и отца милость... премного благодарствую, и не могу чем заслужить до смерти моей того, только могу просить всемогущего Бога да воздаст вам, моему отцу, всевышний за ваше великодушие со всею вашею высокою фамилией. Дела Меншикова в Архиве Министерства иностранных дел. (Соловьев.)

II

В первых числах июля здоровье временщика, доселе несокрушимое, пошатнулось. У него появилось кровохарканье, и врачи объявляли его безнадежным. Он сам признавал свое опасное положение, но ожидал неизбежного конца с мужеством и душевным величием, не покидавшими его и впоследствии среди обстоятельств, способных потрясти самые закаленные сердца. Он составил для своего воспитанника нечто вроде завещания, исполненного благородства, и написал в Верховный Совет, поручая ему свое семейство. Через несколько недель его крепкий организм взял верх над болезнью, но за это время и Верховный Совет, и сам Петр II привыкли обходиться без него. Совет, получивший свободу действий, старался снискать себе популярность, приняв некоторые меры либерального характера, как уничтожение каменных столбов и кольев, на которых, среди самого Петербурга, все еще разлагались трупы и головы казненных, отравляя воздух, и предоставляя иностранцам зрелище, совершенно несоответствующее европейскому лоску, какой Петр стремился придать своей столице. Это был первый шаг к уничтожению «Преображенского приказа», канцелярии политического розыска, поставившей палачей, действительно постепенно исчезнувшего во время царствования Петра II. Надо сознаться, что известный толчок в этом направлении был дан самим Меншиковым. Так в его присутствии и с его согласия, в первом заседании под председательством Петра II, Совет решил восстановить гетманство в Малороссии, положив конец правлению насилия и произвола. Со времени заключения в крепость Петром Великим исправляющего должность гетмана Полуботка, область управлялась коллегией, вершившей ее судьбы весьма самовластно. Другими постановлениями имелось в виду облегчить бремя и снять путы, наложенные на торговлю фискальной политикой Преобразователя. Но, воспользовавшись отсутствием временщика, Совет сделал крупные шаги в этом направлении. Уже на следующий день, как Меншиков слег в постель, указом была освобождена из Шлиссельбурга Евдокия Лопухина, в монашестве Елена 1718 года.⁷³ Меншиков прекрасно сознавал, что невозможно держать в заключении бабуку царствующего императора, но боялся взглянуть ей в глаза и опасался ее мести.

Действительно ли существовали лишения строгого заточения, которому был теперь положен конец? В последнее время по этому поводу возникли разногласия. В монастыре на Ладожском озере Евдокия как будто пользовалась удобным помещением, тремя монашенками для личных услуг и достаточной суммой денег – несколько сот рублей ежегодно – для своих нужд. В ее апартаментах была устроена часовня и совершалась литургия. Впоследствии, во время ее заточения в Шлиссельбурге, Меншиков слал приказ за приказом офицеру, заведовавшему стражей, чтобы Елена не терпела недостатка ни в чем. Но самая многократность этих приказаний заставляет сомневаться в их действительности, а в переписке Остермана с этой трогательной жертвой страстей Петра Великого встречаются слишком красноречивые намеки на мучения, испытываемые ею.⁷⁴

Верховный совет озаботился одновременно изгладить все следы процесса 1718 г. Всем лицам, у кого сохранился манифест, изданный по этому случаю, с перечнем преступлений Евдокии и Глебова, было предложено, под угрозой самого сурового наказания, представить его в руки властей, для сего предназначенных. Меншиков по своему выздоровлению не решился отменить эти распоряжения, но он воспротивился приезду Евдокии в Петербург. Под предлогом близкой коронации, когда ее внуку придется покинуть новую столицу, он

⁷³ См. Петр Великий.

⁷⁴ Письма русских государей. III, 37.

водворил престарелую царицу в Москве, где их ожидало скорое свидание. Петр II не настаивал.

Он со своей стороны начал проявлять наклонность к независимости. Ускользнув в течение последних недель от строгой опеки, в какой его держал будущий тесть, он сначала бросился в сторону Остермана, менее сурового и грубого, более снисходительного и приветливого и во всех отношениях для него более привлекательного. Но вскоре появились еще новые влияния. Общество воспитателя было поучительным и интересным, но общество Натальи Алексеевны еще притягательнее. Все современники, русские и иностранцы, единодушно восхиляются, если не красотой, то неотразимой прелестью этой царевны.

Она не была красива, с сильными следами оспы на лице и слегка курносая. Но всего лишь на год старше брата, она обнаруживала ум чрезвычайно разносторонний, доступный для самых возвышенных мыслей, сердце, открытое для самых благородных чувств. Она давала превосходные советы юному императору, уговаривая его работать, избегать дурного общества, и он, вначале ее как будто слушался. Осталось письмо, где он пытается выразить красивым слогом свои тогдашние чувствования. Там теория просвещенного самодержавия, изложенная на плохой латыни, чередуется с выражениями нежной благодарности сестре за ее помощь автору в деле воспитания из себя хорошего государя.⁷⁵

К несчастью, вместе с сестрой появилась на Васильевском острове тетка, очаровательная и жизнерадостная Елизавета, не вспоминавшая ни о работе, ни о добродетели. В семнадцать лет, рыжеволосая, с искрящимися глазами, по выражению Лефортова, стройная, полногрудая она олицетворяла собой веселье, чувственность и страсть. Влияние ее началось невинным образом, развивая в племяннике любовь к физическим упражнениям, в которых она щеголяла как неустрашимая наездница и неутомимая охотница. С наступлением лета она увлекала его ежедневно на прогулки верхом, или на охоту, и прощай учебные тетради! Остерман не препятствовал; последовательность мыслей составляла одно из его достоинств, а нам известен его план относительно юной пары. Вскоре воспитанник начал своим поведением оправдывать надежды наставника. Сын Алексея обнаружил весьма раннюю половую зрелость, и во время охот в обществе Елизаветы для него главный интерес представляла уже не пернатая, или четвероногая дичь. Но Остерману не хватало опытности в делах воспитательных и любовных. Сама Елизавета была так же еще слишком неопытна, а ее юный племянник слишком робок, чтобы путь, на который он вступил под благосклонным взглядом наставника, не оказался усеянным препятствиями и окруженным безднами. Возвращаясь с охоты, Петр II вздыхал по тетке и сочинял в ее честь плохие стихи, но с наступлением ночи исчезал в обществе Ивана Долгорукого в поисках за удовольствиями, более доступными, жажда которых зародилась у него под впечатлением его романа. Постепенно эти ночные похождения обращались в привычку, по милости которой товарищ, столь неразумно избранный Меншиковым, приобретал все права, чтобы занять место временщика, тогда как молодой Александр Меншиков, также приставленный отцом к юному государю в сане обер-камергера и чине генерал-лейтенанта – в тринадцать лет! – вызывал недоброжелательные толки, порождая воспоминания о первом герцоге де Люинь. Обращали внимание на то, что с лентой Андрея Первозванного он удостоился ленты Екатерининской, доселе предназначенной только для женщин.⁷⁶

⁷⁵ «Каждый раз, как я с собою рассуждаю, сколь много надлежащее воспитание императора содействует безопасности и благоденствию народа, не могу не принести неизменной признательности светлейшей княжне, моей любезнейшей сестре, которая меня поучает полезными увещаниями, помогает благоразумными советами, из которых каждый день извлекаю величайшую пользу, а мои верные подданные ощущают живейшую радость. Как могу я когда-либо забыть сколько заслуг ко мне? Воистину, чем счастливее некогда будет мое государство, тем более, признавая плоды ее советов, поступлю так, что она найдет во мне благодарного брата и императора». (Сборник Р. И. О.)

⁷⁶ Долгоруков. Записки. I, II.

А Мария Меншикова? Она совершенно стусевалась среди этой новой жизни. Отличалась красотой, несколько холодной, не обладая вызывающими манерами и чарующей привлекательностью Елизаветы, так пленившей ее жениха, она ему никогда не нравилась, а теперь внушала чувство близкое к пренебрежению, вернее отвращению. Он сравнивал ее с мраморной статуей. Говорят даже, что он однажды бросился на колени перед сестрой Натальей, предлагая ей свои часы, только чтобы она помогла ему избавиться от невесты. Столь же скромная, как и гордая, цесаревна со своей стороны решительно отказывалась бороться с немилостью, которую все окружающие Петра, как мужчины, так и женщины стремились сделать окончательной.

Когда на сцене снова появился Меншиков, он подействовал на всю эту компанию, как холодный душ. Его появление в апартаментах государя служило сигналом ко всеобщему бегству. Петр спасался в другую дверь, Наталья выскакивала в окно. Его прозвали «Голиафом», «Левиафаном». Наталья, обладавшая способностями к подражанию и карикатуре, возбуждала взрывы хохота, передразнивая его манеры. С ним вернулись его деспотические требования, показавшиеся теперь невыносимыми. Он счел нужным их усугубить, чтобы подавить признаки замеченного им возмущения. «Прежний деспотизм – игрушки в сравнении с тем, что царит в настоящее время», писал Лефорт 5 августа 1727 г.⁷⁷ Стали возникать столкновения. Цех петербургских каменщиков поднес императору подарок в виде 9000 червонцев, Петр отправил их Елизавете, большой мотовке. Меншиков, встретив посла с увесистым мешком, вернул его обратно.

Царская казна истощилась, и такой подарок приходился как нельзя более кстати. Петр вспылил: «Я тебе покажу, кто из нас двух император!» Меншиков не обратил внимания на эти слова, звучавшие предостережением. Может быть, у него не оставалось других способов поддержать свой авторитет, как при помощи свойственных ему крутых мер. Он решительно воспротивился склонности к Елизавете, выражаемой его воспитанником и иностранными дипломатами уже величаемой «страстью». Однажды, когда император потребовал себе 500 червонных, Меншиков у него строго спросил: «Для кого?» – «Мне нужно». И, подозревая, что деньги снова понадобятся для цесаревны, Меншиков приказал их отобрать у нее. То он рассчитал слугу, приобретавшего благосклонность юного императора своей услужливостью, то отвечал сухим отказом на ходатайства государя за Ягужинского.

Но то, что составляло силу его власти: долголетняя привычка, обаяние положения, как будто неразрывно связанного с существованием империи, кажущаяся невозможность пошатнуть его, не поколебав основы государства, – все это исчезло за время роковой болезни, после которой временщик явился, как выходцем с того света. Государство не рушилось без него. По какому же праву он желал занимать в нем такое место? Зависть и соперничество, подавленные или удовлетворенные, возгорелись снова. Долгорукые, вначале примирившиеся, увидели в благосклонности, оказываемой одному из них, восход новой зари и вернулись к своим прежним чувствам. Видя грозу, собиравшуюся над его головой, Меншиков решил сильнее опереться на Голицыных. Наскоро задуманная свадьба между его сыном и дочерью фельдмаршала Михаила Михайловича, казалось, укрепила его надежды в этом отношении. Но средство, оказалось недостаточным.

Гроза разразилась в сентябре. Окончив постройку часовни в своем поместье в Ораниенбауме, Меншиков задумал ознаменовать ее освящение великолепным празднеством, на котором необходимо должен был присутствовать его воспитанник, и тем положить конец уже распространявшимся толкам об их взаимном охлаждении. Петр действительно обещался прибыть; но, желая ли избежать щекотливого положения для своей дочери, или решившись идти напролом, временщик отказался пригласить Елизавету, и, в последнюю

⁷⁷ Сборник. III.

минуту, император, находившийся по близости в Петергофском дворце, дал знать, что не будет. Праздник тем не менее отличался великолепием. Члены Верховного Совета, Голицыны в полном составе, канцлер Головкин, хотя обиженный опалой своего зятя Ягужинского, генералы Волков, князь Шаховской, Сенявин, все были на лице. Феофан Прокопович совершал богослужение. Пушечные выстрелы гремели во время обеда. Но, по окончании трапезы члены Совета поспешили в Петергоф, чтобы пожаловаться на гостеприимного хозяина, который в церкви занял место, предназначенное для императора. На следующий день Волков посоветовал временщику посетить императора и, после некоторого колебания, Меншиков решился выехать под гром пушечных выстрелов, сопровождавший все его передвижения. Но так как в этот день приходились именины Елизаветы, то из упрямства и последнего проблеска заносчивости он устроился так, чтобы приехать уже довольно поздно вечером, и потому не получил свидания у государя. У Меншикова было отдельное помещение в Петергофе, где он провел ночь; но, когда утром он пожелал представиться императору, то услышал, что тот с раннего утра уехал на охоту. Это уже походило на разрыв. Меншиков отправился к Наталье, при виде него обратившейся в бегство по своему обыкновению. Елизавета согласилась его принять, но неловкий царедворец до конца, он не нашел ничего лучшего, как жаловаться ей на неблагодарность императора и заявить о своем намерении «все бросить и отправиться в армию на Украине». Елизавету, по-видимому, несколько не испугали такие угрозы. Он обрушился на Остермана, надеясь расправиться с ним своей обычной грубостью:

– Вы совращаете императора с православия! Можете живо очутиться на колесе за такое преступление.

Вице-канцлер глазом не моргнул и своим тонким, шепелявым голосом отвечал, смотря в упор на «Голиафа»:

– Колесо существует для других злодеев.

– Как вы смеете! Каких?

– А, например, для фальшивых монетчиков.

Такой ответ сразил Меншикова. Его уже давно обвиняли в этом преступном занятии; но чтобы человек настолько осторожный, как Остерман, решился намекнуть на подобные сплетни, надо было признать немилость, очевидную из поведения Петра, непоправимой. Петр все еще был ребенком; в распоряжении Меншикова находились все силы государства. Какой-нибудь решительный шаг мог еще, пожалуй, спасти его. Но потому ли, что недавняя болезнь ослабила его энергию, или потому, что долголетний опыт подсказывал ему бесполезность борьбы, он не принял никаких мер, вернулся в Петербург и стал ожидать дальнейших событий, быстро следовавших одно за другим. В тот самый день Петр, появившись в Петербурге в честь Елизаветы и вернувшись в свои апартаменты, с озабоченным видом призвал майора гвардии Салтыкова и приказал ему перевезти с Васильевского Острова свои экипажи и свои личные вещи. Разрыв совершился.

Меншиков хватался теперь за все, как утопающий за соломинку, наудачу и, конечно, сознавая, что не помогут ему те последние ухищрения, к которым он прибегал. Спасения не было! С потерей благосклонности повелителя, бездна разверзалась под его ногами. Он отправил гонца к князю Михаилу Голицыну.⁷⁸ Гвардия относилась с уважением к престарелому воину и, может быть, согласится ему повиноваться. Он послал за Зейкиным, слишком поздно раскаяваясь, что заменил венгерца вестфальцем. Но Голицын находился под Москвой, а Зейкин выехал на родину. Они не успели бы прибыть, да будь они даже здесь, при-

⁷⁸ Меншиков писал Голицыну: «Изволите ваше сиятельство поспешить сюда, как возможно на почте, и когда изволите прибыть к перспективной дороге, тогда изволите к нам прислать с нарочным известие и назначить число, в которое намерены будете сюда прибыть, понеже весьма желаем дабы ваше сиятельство прежде всех изволили видеться с нами».

существование их не принесло бы никакой пользы. Все зависело только от юного императора: в слабых руках тринадцатилетнего мальчика сосредоточена была вся власть над людьми и обстоятельствами. На следующий же день, 7 сентября 1727 г., Петр, уже водворившийся в Летнем дворце, предупредил гвардию и Верховный Совет, чтобы впредь они повиновались только его личным приказаниям. Временщик бросился во дворец, но не был принят. На другой день Салтыков, сняв почетный караул, стоявший у дверей генералиссимуса, объявил ему, что он арестован.⁷⁹

У Меншикова сделался удар, и ему пустили кровь. Его жена, невестка Арсеньева, и сын, дождавшись императора при выходе его из церкви, бросились ему в ноги. Но он прошел мимо, не произнеся ни слова. Обе женщины обратились с мольбами к Наталье и Елизавете, сопровождавших государя, но удостоились от них лишь презрительного взгляда. Некоторые историки⁸⁰ напрасно замешивали в этой последней отчаянной попытке имя царской невесты. Она была слишком горда для этого! Но жена Меншикова заслуживала лучшего приема. Это была женщина, всеми весьма уважаемая. Но молодость жестока. Несчастная проползала целый час на коленях перед Остерманом, не добившись ничего. Придя в себя, временщик написал тому, кого не смел более называть своим будущим зятем, письмо, говоря, что не чувствует за собой никакой вины, но постигнутый тем не менее несчастьем царской немилости, умоляет о прощении и, во внимание к прежним заслугам, просит даровать ему свободу и дать почетную отставку. Подобное же письмо, почти в таких же выражениях отправил он Наталье. Оба остались без ответа. Счастье изменило «Алексашке», как называл Петр I своего сподвижника. Удивив весь мир своими размерами, казавшееся несокрушимым здание его благополучия рушилось, как карточный замок. Построенное вообще на непрочной почве царского благоволения господство временщиков здесь, как везде, носило характер превратности, чем отчасти смягчались его недостатки.

9 сентября Петр подписал указ, составленный Остерманом, которым Меншиков ссылался в свое поместье Ораниенбург (современный Раненбург, Рязанской губернии). Бывший временщик лишался должностей, чинов и орденов и обязывался дать подписку ни с кем не вступать в переписку. Одновременно было разослано по церквам приказание не помянуть в молитвах бывшую невесту императора. На следующий день семейство Меншиковых покинуло Петербург с поездом, более чем княжеским: четыре кареты с запряжкой в шесть лошадей, полтора ста берлин, одиннадцать фургонов и сто сорок семь слуг. Толпа глядела на поезд равнодушно. Она мало интересовалась крушением временщика. Причины крушения ей оставались неизвестными, и последствия ее не касались. Рассказывали, что изгнанник ходатайствовал о займе у короля прусского, обещая уплату, когда сделается императором; что он намеревался сместить офицеров гвардии и заменить их своими ставленниками; что завещание Екатерины подделано его стараниями.⁸¹ Но это исходило не из придворного круга.

В этой сфере, наоборот, после отъезда Меншикова дела его со дня на день, вернее с часу на час, принимали худший оборот. Петр не без некоторого опасения решился поднять руку на колосса, так долго приводившего его в трепет. Увидав, как тот рушился от одного щелчка, он почувствовал соблазн излить на него свою злобу. Он дал волю своему злопамятству и наущениям Елизаветы и Натальи, не щадившим низверженного врага, и тому вскоре предстояло убедиться, что опала, его постигшая, была только началом, и он катился по наклонной плоскости в неизмеримые бездны. Гонимые летали вслед за изгнанником, принося вести о новых суровых мерах в Вышнем Волочке был получен приказ разоружить челядь бывшего времен-

⁷⁹ Журналы Верховного Тайного Совета.

⁸⁰ Костомаров. Монографии, XVI; Лефорт (Сборник, III, Сочинение Миханевича).

⁸¹ Соловьев.

щика; в Твери – приказ отослать обратно в Петербург экипажи и слуг, признанных излишними; в Клину – приказ отобрать от Марии Меншиковой ее обручальное кольцо и заключить в монастырь Варвару Арсеньеву. Видно женское влияние в этих бесполезных жестокостях. 3 ноября, миновав Москву, согласно предписанному маршруту, печальный поезд прибыл в Ораниенбург. Дом Меншикова был там расположен за оградой крепости, что при данных обстоятельствах, превращал его в тюрьму. Ко всем выходам были приставлены часовые, и бывший временщик имел право писать не иначе, как в присутствии офицера, заведовавшего стражей.⁸²

Он твердо переносил испытание, предвидя новые удары, не заставлявшие себя ожидать. Остерман в свою очередь оказался неумолимым, настаивая на возбуждении дела против своего бывшего покровителя. 9 ноября 1727 г. указом было предписано приступить к описи его имений. По слухам только в его петербургских домах было найдено на двести тысяч рублей столового серебра, восемь миллионов червонцев, тридцать миллионов серебряной монетой, на три миллиона драгоценностей и драгоценных предметов. Но Лефорт, приводящий эти цифры, сам находит их маловероятными.⁸³ Благодаря перехваченному письму было открыто еще 70 пудов серебряной посуды, спрятанной в тайнике.⁸⁴ 17 ноября Верховный Совет получил уведомление от графа Николая Головина, посланника в Стокгольме, о сведениях, доставленных бывшим временщиком Швеции, в ущерб интересам России. Это вызвало бурю всеобщего негодования. Полился поток обвинений, разрастаясь непомерно. Все прошлые несправедливости, превышения власти, всевозможные злоупотребления припомнились низвергнутому деспоту, в то время как судебная комиссия постановила арестовать трех его секретарей, а ему самому послать запрос из ста двадцати пунктов.

Ему оставалось единственное спасение: воспользоваться расколом, происшедшим уже в это время в рядах его противников.

III

С усилением влияния Остермана на его воспитанника, принимавшего опасные размеры, у него в свою очередь неизбежно должны были появиться завистники. Так как он пользовался поддержкой Натальи Алексеевны, то Долгорукие и Голицыны сплотились вокруг Елизаветы, справедливо рассчитывая, что последняя со временем возьмет верх. Действительно, освободившись от Меншикова, юный император выказывал все большую склонность удалиться с дороги знаний и добродетелей, по которой стремились направить его сестра и воспитатель. Под предлогом поглотивших его теперь забот о делах правления он совершенно забросил ученье; но Верховный Совет, в котором он решил впредь лично председательствовать, не чаще видел его от этого на своих заседаниях. В декабре 1727 г. Лефорт, рисуя облик государя, следующим образом описывал его времяпрепровождение:

«Император занимается только тем, что целыми днями и ночами рыскает по улицам с царевной Елизаветой и сестрой, посещает камергера (Ивана Долгорукого) пажей, поваров и Бог весть еще кого...

Кто мог бы себе представить, что эти безумцы (Долгорукие) способствуют возможным кутежам, внушая (царю) привычки последнего русского. Мне известно помещение, прилегающее к бильярдной, где помощник воспитателя приберегает для него запретные забавы.

⁸² Есипов. Ссылка князя Меншикова. «Отечественные летописи».

⁸³ Сборник. III.

⁸⁴ Лефорт, депеша от 20 декабря 1727, не помещенная в Сборнике (Дрезденский архив).

В настоящее время он увлекается красоткой, бывшей у Меншикова... и сделал ей подарок в пятьдесят тысяч рублей... Ложатся спать не ранее семи часов утра».⁸⁵

В то же время характер Петра II вырисовывался во все более и более неблагоприятном свете. Он становился вспыльчивым, не терпящим противоречий. В день свадьбы Сапег с Софией Скавронской он неожиданно вышел из-за стола среди трапезы. Он дулся на сестру, когда та решалась делать ему замечания. Он начал пить. Сам Остерман, упавший духом, вынужденный сказать больным, чтобы, по принятой им теперь манере, скрыть свои неудачи, возлагал свои упования только на предстоящее свидание своего непокорного воспитанника с бабкой, которая без сомнения постарается вернуть внука на путь долга. На следующий день после опалы Меншикова Петр действительно подписал манифест о коронации, и приготовления к ней происходили с большой поспешностью. Таким образом предстояло близкое свидание в Москве Евдокии и Петра II. Но престарелая царица и ее предполагаемое влияние уже являлись предметом ожесточенного соперничества. Письма, отправляемые Остерманом, скрещивались с посланиями Долгоруких, преисполненными заискиваний. Однако то был напрасный труд, так как Евдокия не выказывала поощрения ни той, ни другой стороне. Углубившись всецело в молитвы, посты и ожидание минуты, которая вернет ей, наконец, радость семейного счастья, она выказывала полнейшее равнодушие к делам политическим. Тем не менее обе противные партии, горя взаимной ненавистью, не теряли надежды затронуть в этом отношении, если не ум, то хотя бы сердце бывшей затворницы.

Перед отъездом в Москву благоволение к Долгоруким, казалось, пошатнулось. Елизавете удалось установить дружбу между Петром и зятем Михаила Голицына, Александром Борисовичем Бутурлиным, ее будущим возлюбленным, а, может быть, уже и тогдашним. Одновременно она сблизилась с Остерманом, не покидавшим известного нам проекта, тогда как Долгорукие составили иной план, относительно особы государя, вскоре получивший осуществление. Этим объясняется поддержка, оказанная ими в данное время новой попытке Морица Саксонского, тогда как испанский посланник со своей стороны замыслил замужество царевны с инфантом Дон Карлосом.

9 (20) января 1728 г. Петр со своим двором тронулся в путь. Картина походила на переселение целого народа. Представители всех ведомств сопровождали особу государя, и так как ходили слухи, что ввиду победы вельможной партии, новая столица, пожалуй, будет покинута навсегда, то количество путников возросло до небывалых размеров. Петербург опустел. В Твери Петр схватил корь и должен был две недели пролежать в постели. Баба огорчилась и заволновалась. «Пожалуй свет мой, проси у братца своего, чтоб мне вас видеть и порадоваться вами: как вы и родились, не дали мне про вас слышать, нежели видеть», описала она Наталью. И Остерману: «И так меня светлейший князь 30 лет крушил, а нынче опять сокрушают. Только о том вас прошу, чтобы мне внучат своих видеть и вместе с ними быть, а я истинно с печали чуть жива, что их не вижу. Прошу вас: дайте, хотя бы я на них поглядела и умерла».⁸⁶ Она стремилась броситься навстречу внуку. Когда вследствие запоздавших приготовлений к встрече, императору пришлось прождать еще неделю под Москвой, ее нетерпение достигло до крайних пределов. Но распутство – смертельный яд для нравственной чуткости, и Петр уже обнаруживал сердечную сухость, смущавшую его прежних поклонников. Он сделал вид, что не понимает ожиданий бедной старухи.

Въезд состоялся 4 февраля при всеобщем восторге. В нем редко бывает недостаток в подобных случаях. Кроме того, деда слишком ненавидели на берегах Москвы, чтобы внук там не пользовался широкой популярностью. Но свидание, столь страстно желанное Евдокией, так нетерпеливо ожидаемое Остерманом, разрушало всеобщие на него упования. Внук

⁸⁵ 9 и 20 декабря 1727 г. Дрезденский архив.

⁸⁶ Подлинное письмо царицы Евдокии. Письма русских государей.

и внушка, чтобы избежать лишних излияний, пригласили с собой Елизавету. Наталья, сторонница реформ, людей и порядков Запада, о чем было известно бабке, желала уклониться от щекотливых разговоров, Петр же опасался иных наставлений из области его личного поведения. Однако ему пришлось выслушать несколько замечаний по поводу рассеянной жизни и совет жениться как можно скорее, хотя бы на иностранке, на что Петр не дал никакого ответа, прекратил беседу и считал свой долг исполненным, окружив бывшую затворницу почестями и обеспечив ее в денежном отношении, чего она была так долго лишена. Евдокии было назначено содержание в шестьдесят тысяч рублей и двор, где представители высшей аристократии, князь Елычев, князь Хилков, князь Лобанов и два Лопухиных, оспаривали друг у друга должность пажей, камергеров и мундшенков.⁸⁷ «Исполнив свой долг», юный император вернулся к своим развлечениям.

Влияние Остермана ослабело окончательно. В атмосфере древней столицы, где Долгорукие чувствовали себя в родной среде, они быстро взяли верх. Петр вскоре выразил свое благоволение к ним, назначением сразу двух представителей семьи, Алексея Григорьевича и Василия Лукича, членами Верховного Совета. В то же время Иван Долгорукий заступил место Александра Меншикова в должности обер-камергера и, создавшийся таким образом триумvirат, по-видимому, обеспечил за собой непреодолимое влияние юного государя. Они держали его в руках циничным решением потворствовать его наклонностям к кутежам, а также заботливым старанием обращаться с ним, как с взрослым, тогда как сама Елизавета, а по ее примеру Голицыны, не говоря уже об Остермане, видели в нем только ребенка. Победой воспользовались, чтобы окончательно погубить ораниенбургского изгнанника.

Коронование совершилось 24 февраля (5 марта) 1728 г. Спустя несколько дней у Спасских ворот в Кремле было подобрано анонимное письмо, заключавшее красноречивую челобитную в пользу Меншикова против Долгоруких. Подобные приемы полемики, заменяя собой не существовавшую тогда прессу, являлись обычными в то время. Общественное мнение приписывало составление пасквиля Голицыным. Впоследствии подозрения в авторстве пали на духовника Евдокии, подкупленного сестрой жены Меншикова, Ксенией Колычевой, проживавшей в Москве.⁸⁸ Во всяком случае Долгорукие, увидав себя в силе, постарались употребить все свое влияние для жестокого отмщения. Указом Верховного Совета была объявлена полная конфискация имущества бывшего временщика, его ссылка в Сибирь, в Березов, вместе со всеми домочадцами, и пострижение Варвары Арсеньевой в более отдаленный монастырь, с содержанием «по полуполтине на день». Бесчисленные дворцы и дома, принадлежавшие изгнаннику в Петербурге, Москве, Ораниенбауме, Ямбурге, Нарве, Капории, громадные поместья в тридцати шести губерниях Великороссии, в Ингрии, Эстляндии и Малороссии (152 356 десятин в этой последней, не считая лесов и пастбищ, простиравшихся на десятки квадратных верст), роскошная обстановка, деньги (72 570 руб. было найдено в одном из московских домов, никогда не выдавшем его посещения) – все было разделено между императорской казной и счастливыми победителями. Два полицейских чиновника (пристава) явились 16 апреля 1728 г. для объявления приговора к несчастному изгнаннику и сейчас же, посадив его в простую кибитку, увезли. По дороге экипаж был настигнут еще отрядом солдат, которые под предлогом осмотра отобрали от осужденного те немногие вещи, какие он успел захватить с собой, оставив буквально только бывшую на нем одежду и ни одной перемены белья. Так же были отобраны вещи, принадлежавшие его жене и дочерям. Княгиня Дарья, выехавшая больною, умерла 10 мая в Услонье, близ Казани. Мужу едва была дана возможность ее похоронить. На следующий же день его вместе с детьми отправили дальше, по Каме.

⁸⁷ Журнал заседаний Верховного Совета. Сборник С. Г.

⁸⁸ Маньян, 26 апреля 1728 г. Архив французского Министерства иностранных дел – Россия.

Березов, в 1066 верстах от Тобольска, на обрывистом берегу Сосвы, недалеко от ее слияния с Обью, представляет собой маленький городок Сибири, расположенный среди тундры и тайги. Зима там продолжается от семи до восьми месяцев, морозы доходят до 45 гр. по Реомюру ниже нуля, так что птицы мерзнут на лету и лопаются стекла. С ноября по декабрь солнце восходит в десять часов и заходит в три. В июне оно скрывается за горизонтом менее чем на два часа, но лето длится всего три недели, а весной и осенью густые туманы погружают землю в морозную тьму. Небо всегда покрыто тучами, дует резкий ветер, часто переходящий в ураганы. Меншиков прибыл в этот приют отчаяния в августе 1728 г. Заключенный вначале с сыном и двумя дочерьми в городской тюрьме, он впоследствии получил разрешение выстроить себе дом. Он сам работал топором, пилой и рубанком и, покончив с домом, пожелал еще пристроить к нему церковь, употребив свои сбережения на ее приличное убранство. Он располагал десятью рублями в день и держал при себе десять слуг. Бывший временщик не падал духом, не высказывал ни отчаяния, ни возмущения. На лодке, перевозившей его по Каме на место ссылки, его видели спокойно вращающим вертел.⁸⁹ В Тобольске, когда враждебно настроенная толпа встретила изгнанников градом камней, он воскликнул громким голосом: «Бейте только меня, пощадите женщин!» Он жалел лишь об участи своей семьи, упрекая себя в том, что послужил причиной ее несчастья.

Жертвы французской революции умели умирать в России, жертвы самодержавия умели переносить свое падение, что, пожалуй, еще труднее. Исключительные обстоятельства и жизненные условия всегда содействуют развитию особых добродетелей и особых пороков.

Заведомый лихоимец, предполагаемый фальшивомонетчик, Меншиков, при своем унижении проявил много душевного величия. Уверяют, что он пополнил среди ужасного испытания, его постигшего, и в то же время, страшно зябкий ранее, теперь закалил себя от холода. Но, когда его сразил вторичный удар, последовавший в ноябре 1729 г., в Березове не нашлось никого, чтобы вовремя пустить кровь. Он скончался 56 лет от роду. Месяц спустя его любимая дочь Мария, бывшая царская невеста, сошла вслед за ним в могилу. Горе при виде ее медленного угасания, ускорило его кончину.

Предание говорит, что несчастная молодая девушка сочеталась в Сибири браком с князем Федором Долгоруким, сыном Василия Лукича, который, воспользовавшись разрешением ехать за границу, последовал за этой закатившейся звездой, страстно влюбленный, несмотря на ее холодность. В 1825 г. в Березове была открыта могила, принятая за могилу Меншиковых, где были найдены два маленьких детских гробика, что послужило подтверждением такой легенды. Создался рассказ, что княжна Долгорукая умерла родами, разрешившись от бремени двумя мертворожденными младенцами, погребенными вместе с ней.⁹⁰ Нашлись даже вещественные доказательства, как будто подтверждавшие гипотезу о браке: драгоценная шуба, сохранившаяся в семействе священника, благословлявшего союз и считавшаяся там даром супруга по этому поводу; золотой медальон с волосами княжны, повешенный им в церкви в Березове по смерти жены.⁹¹

Можно извинить немецкого романиста, воспользовавшегося темой, опирающейся на такие солидные доказательства;⁹² хотя на мой взгляд этот роман лишь роняет исторически доказанные благородные, гордые и трогательные черты героини. К несчастью – или вернее к счастью в данном случае – историк обязан быть более недоверчивым. За Березовым

⁸⁹ Лефорт, 14 июня 1728 г. Дрезденский архив. Hermann. Diplomatische Beiträge.

⁹⁰ Шубинский. Очерки.

⁹¹ Топографическая таблица Урала, изданная в 1852 г. Топографическим департаментом Военного министерства.

⁹² Август Лафонтен. Его произведение переведено на русский язык под заглавием: «Князь Федор Долгорукий и княжна Мария М-ва».

в это время был учрежден строгий надзор: там невозможно было совершить венчания тайком; однако никаких следов этой свадьбы в делах современной полиции не сохранилось. Мария Меншикова заслуживала прозвища, данного ей Петром, и трудно допустить, чтобы «мраморная статуя» ожила под небом Сибири. Наконец, генеалогия Долгоруких XVIII века известна во всех подробностях, и князь Федор никогда не существовал.⁹³ По всей вероятности дочь была погребена рядом с отцом, но могила исчезла. Вырытая на берегах Сосвы, она вероятно была размыта водой.

Двое остальных детей временщика были возвращены из ссылки и избавлены от бедствий одним из его преемников, Бироном, которого на такой милосердный поступок вызвало вовсе не чувство великодушного сострадания. Банки лондонский и амстердамский, где хранились значительные вклады Меншикова – девять миллионов по некоторым свидетельствам – отказались выдать их русскому правительству. Бирон придумал способ соглашения, решив выдать дочь покойного за своего брата Густава. Сыну в то же время был возвращен княжеский титул и две тысячи крепостных из девяти тысяч, принадлежавших его отцу, а также дан чин прапорщика в Преображенском полку, хотя прежде он был генерал-лейтенантом. Из вкладов, на выдачу коих последовало теперь согласие банков, супруга Густава Бирона получила миллион, остальное же было разделено между ее братом и государственной казной. Урожденная княжна Меншикова была в замужестве очень несчастлива и умерла в 1737 г. не оставив детей.⁹⁴

IV

Между тем Петр II веселился. В апреле 1728 г. известие о рождении в Киле сына у герцогини Голштинской послужило поводом к многочисленным празднествам. На великолепном балу во дворце всем бросилось в глаза отсутствие Натальи. Она объяснила свой поступок нездоровьем, но сделалось известным, что царевна провела весь вечер у герцогини Курляндской и толки пошли своим чередом. Передавали, что Наталья ревнует Петра к Елизавете, закружившись в свою очередь в водовороте безумных кутежей, среди которых непрерывно протекала жизнь ее брата, сгорая пламенем кровосмесительной любви и из Эгерии превратившись в вакханку. После продолжительного ожидания Петр открыл бал с теткой, потом, рассерженный и раздосадованный, удалился в соседний покой для попойки со своими обычными сотоварищами. Елизавета продолжала танцевать, и случайно юный император заметил, что Ивана Долгорукого около него не было. Он быстро направился в танцевальный зал, и его лицо исказилось: Елизавета и молодой князь танцевали вместе, и царевна, покрасневшая от движения и удовольствия, с затуманившимися глазами и тяжело дышащей грудью, казалось, забыла весь мир в опьянении настоящей минутой. Говорили также, что Остерман поддерживал эту ревность, чтобы удалить Долгоруких и привести в исполнение взлелеянный им план.⁹⁵

После пасхи Петр отправился с Елизаветой на охоту, в которой опять не принимала участия Наталья; подтачиваемая печалью она на этот раз серьезно заболела со всеми признаками чахотки. Но Верховный Совет и генералитет должны были сопровождать государя во время этого путешествия, рассчитанного на несколько месяцев. Пятьсот экипажей потянулось из поместья в поместье, располагаясь на ночлег в лесах и степях. Охотились на вол-

⁹³ Михневич.

⁹⁴ Долгоруков. Мемуары.

⁹⁵ Депеши герцога де Лирия в «Осьмнадцатом веке». Другие выдержки из этих депеш были напечатаны «Русской Стариной». Журнал, составленный из переписки посланника, сохраняемый в Архиве французского Министерства иностранных дел (*Mémoires et documents*, том VIII) содержит еще некоторые тексты, доселе не напечатанные. К несчастью, я не мог пользоваться испанским изданием, недавно вышедшим.

ков, лисиц и зайцев с английскими собаками; на пернатую дичь с прирученными соколами и ястребами. Устраивались облавы на медведей, но в них император участия не принимал. Молодые и сильные слуги в охотничьих ливреях: зеленом кафтане с золотой или серебряной перевязью, красных штанах и горностаевых шапках справлялись со зверем ружьями или рогатинами. Охоты сопровождались бесконечными пиршествами в старом московском духе. Бесчисленные торговцы располагались базаром вокруг лагеря, где таким образом воскресали восточно-азиатские нравы по желанию Долгоруких, мечтавших отбить у своего юного повелителя навсегда вкус к Петербургу и цивилизованной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.